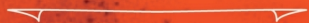

Олег Иванович
ЧАПАЕВ

Павлик...

2019

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Иванович Чапаев

Павлик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41179417

SelfPub; 2019

Аннотация

Однажды в приемной типичного московского олигарха Игоря Сергеевича появляется протеже по имени Павлик. И с самого начала беседы молодого человека и владельца бизнес-империи все идет не так, как предполагает стандартный сценарий собеседования. Главному герою предстоит узнать про загадочный мир сновидений, пройти через шаманскую инициацию в попытке отстоять бизнес-империю, столкнуться с грозными и непривычными гранями повседневной действительности. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

85

Часть 1

Начало

Приемная была просторна и шикарна. А секретарша – молодая, красивая и сексапильная. Павлик с интересом разглядывал и первое, и второе. На девушку смотреть было интереснее, но как только она села за массивный стол, скрыв таким образом от Павлика свою нижнюю половину, мотивация уменьшилась ровно в два раза. Впрочем, верхняя половина девушки тоже была что надо. «Лет двадцать пять, максимум – двадцать семь», – прикинул Павлик. Высокая, сто семьдесят точно, даже пожалуй чуть выше. Длинные русые волосы, кругленькое личико со смешно вздернутым носиком, пухлые губы, чуть тронутые неяркой помадой, и огромные глаза. «Как у трепетной лани, – подумал Павлик и улыбнулся. – Вот ведь, – продолжил он размышлять, исподтишка поглядывая на хозяйку приемной, – трепетную лань, поди, никто толком и не видел, а глаза такие: как встретишь – и уже не сомневаешься, чьи они. Устойчивый архетип», – он улыбнулся еще раз, но уже про себя, и продолжил наблюдать за обладательницей трепетных глаз. Та что-то сосредоточенно печатала, изредка отрываясь от монитора и заглядывая в лежащие перед ней на столе листы. Она тихонько шевелила губами, словно проговаривая про себя текст, и выглядело это

на редкость серьезно, но Павлик снова подумал о том, что трепетности и трогательности в ее облике гораздо больше, а неприступность – лишь фасад, за которым подлинная суть скрыта от посторонних и докучливых глаз. Тонкие пальцы бегали по клавиатуре с невероятной скоростью. Вдруг, словно вспомнив о чем-то, секретарша на миг отвлеклась от монитора и посмотрела на Павлика:

– Может быть, все-таки кофе или чай?

Хотя спросила девушка вроде бы довольно приветливо, молодой человек внезапно смутился и неловко махнул рукой:

– Не, спасибо, уже достаточно на сегодня.

Она кивнула и снова повернулась к компьютеру, а Павлик смутился еще сильнее и неожиданно разозлился на себя:

– Хотя нет, раз так, давайте кофе!

Непоследовательность посетителя, похоже, никак не удивила девушку, а если и удивила, то ей удалось никак этого не показать.

– Черный? Сахар, сливки?

– Черный с сахаром, сливок не нужно.

Павлик поерзал на диване и уставился в огромное окно. Москва была где-то далеко внизу. В нескончаемой пробке ползли машины по набережной Москва-реки, сновали толпы людей, похожих отсюда на муравьев. Павлику почему-то пришла на ум огромная анаконда, бесцельно ползущая из безымянного ниоткуда в не менее загадочное никуда. Оче-

видными становились тяжкие внутренние противоречия, которые раздирали ее, однако некая скрытая и только ей самой понятная внутренняя мотивация заставляла эту змею лениво изгибаться, замирать на время, и все это только затем, чтобы снова начать движение к цели, весьма при этом смутно ею самой осознаваемой. Небо было пронзительно синим и приветливым. Небольшие кучевые облачка походили на редких косматых барашков, пасущихся на голубых просторах. От неба веяло покоем и благодатью, от судорожных перемещений гигантской анаконды внизу – обреченной неустроенностью, но все вместе – покой горнего и неустроенность дольного московских улиц – создавало общее ощущение завершенности и странной гармонии. Впрочем, стоило только сместить фокус внимания на что-то одно – на медленно передвигающиеся по небу облака или на судорожные движения неприкаянной анаконды внизу – гармония тут же рушилась, и чтобы ощутить ее еще раз, приходилось делать усилие и снова собирать в фокусе внимания верх и низ.

Павлик оторвал взгляд от пейзажа за окном и принялся рассматривать приемную. Большое и довольно-таки пустое пространство: почти правильный квадрат, минимум обстановки, блестящий паркет со спокойным рисунком, светлые стены. Массивный стол хозяйки приемной, небольшая тумба с офисной техникой да гостевой диван, на котором устроился он сам. На столе царил сверхстрогий, почти спартанский порядок: лишь одинокий компьютер, телефонный аппарат да

перекидной календарь украшали его широкую сверкающую поверхность. Ни картин на стенах, ни каких-нибудь обычных офисных безделушек на столе секретарши. В небольшой и неприметной нише рядом со столом примостился открытый шкаф с несколькими папками. Очевидно, из-за огромных окон – от самого пола и до потолка – размеры приемной казались еще больше, а может быть, дело было в потоках света, наполнявших пространство. Временами Павлику с легкостью представлялось, будто квадрат приемной – лоскуток ковра-самолета, который парит над кипящей от зноя Москвой в бездонном небе. От размышлений его отвлек звонок мобильного. Девушка поднесла трубку к уху скупым отточенным движением, а затем легкая улыбка чуть тронула ее губы.

– Да, Игорь Сергеевич, гость тут. Ждет. Да, кофе предложила. Хорошо, сейчас все сделаю.

Павлик внимательно смотрел на секретаршу, и потому не пропустил ни легкого румянца, внезапно полыхнувшего на ее щеках, ни искру смешинки в серьезных, если не сказать строгих, глазах. Он встряхнул головой и даже немного расстроился: уж больно хороша была девушка, а едва заметная метаморфоза, произошедшая с ней после звонка, лишь добавила ей очарования. Она подняла глаза на Павлика, и он снова поразился: и смешинка, и румянец исчезли без следа. Взгляд снова стал строгим, деловым и даже, пожалуй, оценивающим. «Ледяное гостеприимство», – почему-то пришло

на ум Павлику, и он даже помотал головой, словно отгоняя от себя наваждение.

Девушка вышла из-за стола, и взору Павлика открылась нижняя половина хозяйки приемной, увидеть которую ему удалось лишь мельком, когда он только вошел. Эта нижняя половина, действительно, была что надо, а в сочетании с верхней, разглядеть которую получилось более-менее подробно, все выглядело так, что становилось понятно, как именно родилась поговорка «Ни убавить, ни добавить». Судя по всему, автор ее увидел нечто подобное, совершил несколько итераций в попытке улучшить увиденное, а потом, осознав тщетность и бесперспективность этого занятия, бросил безнадежное дело и ограничился той самой поговоркой для пользы грядущих поколений. «Вот уж правда, – подытожил Павлик, – ни убавить, ни добавить, причем нигде: ни сверху, ни снизу, ни с боков». Везде всего было столько, сколько нужно, и Павлик, сам себе не отдавая отчета, очень быстро провалился в бездумное созерцание открывшейся ему целостности образа хозяйки приемной. Серый костюм в легкую светлую полоску – пиджак и юбка – подчеркивал все, что надо было подчеркнуть, скрывал все, что требовалось скрыть, и оставлял простор для фантазии ровно в таком объеме, что мысли молодого человека моментально приняли направление не совсем приличное. Девушка спокойно стояла и ждала, когда гость закончит осмотр, и лишь курносый и аккуратный носик, казалось, вздернулся

еще больше, а в глазах, правда, пока еще едва заметно, по-сверкивали льдинки.

Павлик внезапно осознал, что пауза затянулась совсем неприлично, покраснел и вскочил с дивана. Секретарша уже направилась к неприметной двери, за которой, как он понял ранее, находился кабинет владельца всего этого великолепия.

– Игорь Сергеевич будет буквально через пять-семь минут, – она слегка повернула голову, и Павлик едва не пустил слюну. В этот момент на нее упали солнечные лучи, и все вместе: грациозный поворот головы, золотой нимб над русыми волосами, непослушная прядь – создало внезапно ощущение, что рядом с ним оказалась некая древняя и чудом ожившая икона, которая за тьму веков стосковалась по живому человеческому общению и начала по этой банальной причине коммуникацию с простыми смертными.

– Игорь Сергеевич просил провести вас к нему, кофе я подам буквально через несколько минут, – девушка открыла дверь и сделала приглашающий жест, предлагая Павлику проходить.

Не без робости тот шагнул в открытый проем и переступил порог кабинета. С первого взгляда ему показалось, что пространство за дверью – точная копия приемной, только большего размера, а мгновение спустя понял, что дело тут в общности концепций: в обеих помещениях было минимум мебели, максимум свободного пространства и много

света. Девушка подвела гостя к массивному столу с небольшой приставкой, вокруг которой разместились два внушительных кожаных кресла.

– Присаживайтесь, – она кивнула в их сторону, – Игорь Сергеевич будет с минуты на минуту, кофе сейчас подам.

Она направилась к выходу, а Павлик совершенно неожиданно для себя снова расстроился, резко отвернувшись от соблазнительной картины. Дверь закрылась, и он начал вертеть головой, с интересом разглядывая кабинет. Если приемная была ровным (ну или почти ровным) квадратом, то форма кабинета оказалась, скорее, прямоугольной. «Метров двенадцать в длину, – прикинул Павлик. – Хотя даже больше. А в ширину – метров под десять». Паркетный пол нежился в солнечных лучах, в изобилии проникавших внутрь через панорамные окна, кипельно-белые стены усиливали ощущение открытости и простора. Стол хозяина кабинета расположился прямо напротив входной двери, а то расстояние, что приходилось пройти гостю до него от входа, должно было, очевидно, символизировать долгий и тернистый путь, который преодолел сам владелец всей этой роскоши, прежде чем укорениться в ней и в итоге будто бы парить в восходящих потоках над поверженным городом. Совершенно явной была дороговизна стола, а вот породу дерева благородного коньячного цвета Павлик определить не сумел. Кресло немедленно вызвало ассоциации с тронem: массивной горой оно возвышалось над сияющей столешницей,

спинка интриговала причудливой резьбой и парой каких-то непонятных толстых жгутов матово-белого цвета, похожих на сплетенные бивни животного, экзотического и загадочного. По левую руку от стола помещение обрывалось все той же пропастью окна, открывая взору величественную панораму. Справа же, у стены, возвышалась небольшая горка с несколькими фотографиями в рамках и – а вот и они! – безделушками. Поверхность стола, точно так же, как и в кабинете красивой секретарши, смело можно было бы назвать пустой, если не считать большого монитора, перекидного календаря да письменного прибора, мастерски выполненного из какого-то зеленого камня. Над креслом-троном висел портрет президента в одном из самых его узнаваемых образов: камуфляжные штаны, серая футболка с короткими рукавами, открывающая сильные и еще не старые руки, знаменитая панама. Президент смотрел на Павлика требовательно, и в то же время в глазах затаилась едва заметная смешинка. Весь его облик, казалось, говорил, что всех сукиных детей он видит насквозь и даже на отдыхе вынужден бдить интересы Родины и мира.

Павлик подмигнул президенту и плюхнулся в кресло. Он выбрал то, что стояло спиной к окну, и его внимание сразу привлекла картина на стене напротив. На холсте красовалась огромная пирамида, судя по всему, из мексиканских, на заднем плане, совсем вдаль, мутнели очертания гор. В картине было что-то неуловимо странное. Павлик несколько

секунд вглядывался в изображение, прежде чем сообразил, в чем дело. Неизвестный художник придал пирамиде осязаемый крен слева направо, и она не то чтобы падала, но точку опоры явно потеряла, и теперь словно бы раздумывала, что же ей на итог предпринять, застыв покамест в неустойчивой задумчивости. Подножье массивного сооружения скрывали клубы какого-то марева, но полотно висело далековато, и разглядеть все детали было сложно. Павлик решил было обойти стол, чтобы рассмотреть картину поближе, да передумал и отметил лишь про себя, что та на редкость органично вписалась в пространство кабинета. Он приготовился к ожиданию, но не прошло и минуты, как дверь распахнулась, и Павлик принялся неловко выбираться из глубин роскошного кресла.

Хозяин кабинета уже шел от дверей, радушно улыбаясь гостю. Игорю Сергеевичу было где-то за пятьдесят. Его крепкую спортивную фигуру расчетливо подчеркивала тонкая серая футболка с коротким рукавом, открывая приличные бицепсы и крепкие предплечья. Столь же нарочито не скрывала она ни широких плеч, ни развитых грудных мышц. Было очевидно, что вошедший мужчина не чужд некоторым силовым забав, и лишь едва наметившийся, но все же заметный животик немного сглаживал облик спортивного мачо. Впрочем, и животик его не портил. Скорее, он давал понять, что Игорь Сергеевич не чурается и обычных человеческих слабостей, и в равной степени готов уделить внимание

как теннисному корту и тренажерному залу, так и мангалу с дымящимися над углями кусками сочного мяса. Строгие белесо-голубые джинсы, расчетливо-небрежно надорванные неизвестным дизайнером, очевидно, должны были продемонстрировать готовность их обладателя к смелым экспериментам и его любовь к игре на контрастах. Мягкие мокасины оранжевого цвета Игорь Сергеевич носил на босу ногу, из-за чего общий вид сразу делался каким-то очень домашним. В чертах лица ничего особо примечательного не выделялось – настолько все было округлым и усредненно-приятным. Ежик черных некогда волос уже подернула заметная седина, ровный и густой загар добавлял свежести, на широком лбу не было ни морщинки. В целом Игорь Сергеевич производил впечатление человека, который знает себе цену, очень доволен жизнью и стремится всячески выразить это удовольствие по максимуму каждым доступным ему способом. Рукопожатие его оказалось читаемо крепким.

– Очень рад вас видеть, Павел! И прошу прощения, что заставил ждать. Пробки!

Павлик взглянул на часы.

– Да вы и не заставили, это я пораньше приехал. Вы – как часы швейцарские, – он бросил взгляд на запястье Игоря Сергеевича, на котором красовался массивный и явно очень дорогой хронометр.

Хозяин кабинета сделал приглашающий жест в направлении кресел.

– Я, с вашего позволения, напротив устроюсь, чтобы у нас с вами атмосфера не такая официальная сложилась, – он широко улыбнулся, демонстрируя то ли шикарные природные данные, то ли впечатляющую работу дантиста. – Сейчас Танюша вам кофе подаст, мне – чай, и можно будет познакомиться и спокойно пообщаться.

Павлик открыл рот, но сказать ничего не успел. Раздался стук, и на ответное «да-да» Игоря Сергеевича секретарша Танюша вкатила в кабинет сервировочный столик. Хозяин кабинета поднялся ей навстречу и несмотря на ее слабые протесты принял деятельное участие в перемещении чайно-кофейных аксессуаров на приставной столик. Закончив сервировку, девушка еле заметно улыбнулась, кивнула гостю и хозяину кабинета и направилась к выходу.

– Меня часика полтора попросите не беспокоить, Танюша, – негромко попросил вдогонку Игорь Сергеевич, – если только что-то очень срочное.

Девушка еще раз кивнула, мило улыбнувшись, и Игорь Сергеевич с Павликом остались одни.

Хозяин кабинета рассматривал гостя с улыбкой и явным интересом. Павлик отлично знал, что именно Игорь Сергеевич видит перед собой. Собираясь на встречу, он минут пятнадцать проторчал перед зеркалом, разглядывая себя, и пробовал хоть как-нибудь скрыть следы свежего пореза на щеке. Порез образовался днем раньше, когда Павлик травмировал себя опасной бритвой, пытаясь соскоблить несуществующую

щетину непривычным и, как оказалось, действительно крайне опасным инструментом. Внешность Павлика, как он признавал сам, ничего особо выдающего стороннему наблюдателю не являла: короткая стрижка, непослушные черные волосы местами топорщатся, не желая соответствовать генеральному замыслу парикмахера, слегка приплюснутый нос – скazyвался давнишний перелом, карие глаза... Все остальное тоже было в пределах нормы, как в свое время шутил отец. Сто семьдесят шесть роста, в плечах – не узок, не широк, фигура – и не дохляк совсем, но уж точно и ни разу не «кач». В общем, ничего запредельного, все по крепкому, но весьма среднему стандарту. Игорь Сергеевич потянулся за чаем.

– Ну что, Павел, как добрались? Как Танюша встретила, как вид за окном? – он весь прямо-таки лучился довольствием. Павлик подумал, что так притворяться просто невозможно. Видимо, градус удовлетворенности этого человека от процесса бытия был таков, что он с высоты своего персонального Олимпа испытывал ко всему, чему не удалось добраться до этой вершины, только теплое и дружеское сочувствие.

– Спасибо, – Павлик кивнул, – все в порядке. Добрался хорошо, Танюша ваша – одна сплошная забота, – Игорь Сергеевич с легкой улыбкой посмотрел на гостя и едва заметно кивнул. – Вид за окном – вообще бомба. Вам тут надписи только этой латинской не хватает для полноты картины...

Игорь Сергеевич с интересом поглядел на Павлика:

– Какой такой надписи?

– Ну той, про мир у твоих ног... Из «Лица со шрамом»...

Не смотрели разве этого фильма?

Игорь Сергеевич после секундной заминки отрицательно качнул головой:

– Нет, Павел. Может быть, по молодости, да подзабыл. А что там за надпись?

– Да если бы смотрели, не забыли бы, – Павлик шмыгнул носом. – Это же про гангстера фильм, где Аль Пачино играет. Он там всю кокаиновую мафию под себя, по сценарию, подмял. Стал, как в народе говорят, выше гор и круче небес. А по ходу фильма там дирижабль летает с этой надписью – «Le monde est a toi». Я потом перевод посмотрел – вроде как «Весь мир принадлежит тебе» она значит. Так он, гангстер этот, дома у себя эту надпись-то и изобразил. Совсем, видимо, решил, что ему весь мир теперь принадлежит, без остатка. А потом у него заруб с колумбийской мафией приключился, – он потянулся к чашке и глотнул кофе.

Игорь Сергеевич с интересом слушал и улыбался.

– И что дальше?

– Дальше закономерно все, – Павлик снова как-то очень по-детски шмыгнул носом. – Когда человек себя круче всех гор начинает считать, а потом с колумбийцами всерьез зарубается, конец один только может быть. И совершенно предсказуемый. Мужик же мочить колумбийцев начал, гангстер этот, которого Аль Пачино играет, – он сделал еще глоток и

поставил чашку. – Ну а потом и колумбийцы за дело взялись. Пришли к нему в дом целой толпой и стали мочить уже его. Слуг всех завалили, охрану и до него добрались. А он, гангстер этот, как заговоренный прямо! Дырок пятьдесят в нем сделали уже, а он все не уgomонится никак: бегаёт ещё резво, стреляет. Потом, конечно, контрольным выстрелом его главный киллер колумбийский добил все-таки. Вот он и рухнул в бассейн собственный, а сверху эта надпись над ним прямо – «Весь мир принадлежит тебе». А на балкончике, над надписью этой, киллер стоит с обрезом в руке, а у него эта надпись – под ногами. Вот и думай теперь, кому мир в действительности принадлежит. Переменчиво все очень, – Павлик вздохнул. – А вот у вас тут эта надпись бы вообще очень органично смотрелась, – он кивнул на город внизу. – Вы – сверху, мир – под ногами. Только горки кокса, как у гангстера этого, на столе не хватает, – Павлик искоса посмотрел на Игоря Сергеевича и еле заметно покраснел. – Извините.

– Да бросьте, Павел, – Игорь Сергеевич добродушно засмеялся, – все нормально. Только кокса вот, как вы выразиться изволили, я не держу. Немодно уже сейчас, – хозяин кабинета с легкой улыбкой подмигнул гостю. – Да и когда модно было, не сподобился, слава богу, – он взял с приставного столика стакан с чаем. Старомодный, настоящий граненый стакан угнездился в подстаканнике – то ли серебряном, то ли мельхиоровом (Павлик определить не смог) – и в нем плавала одинокая долька лимона.

– Привычка, – Игорь Сергеевич поймал взгляд гостя и подмигнул. – Не принимает душа чашечек этих. Тут берешь в руки – маешь вещь, – он улыбнулся и посмотрел на Павлика. – Ну что, молодой человек, давайте к делу потихоньку переходить? Я ваше резюме внимательно изучил, да и слышал о вас уже достаточно, но если вас не затруднит, вы пару слов все-таки о себе сами расскажите. Бумаги – бумагами, рассказы – рассказами, а личное впечатление заменить чем-то сложно. А дальше мы вместе уже подумаем, как сделать так, чтобы ваши многочисленные таланты могли пользе общей служить с максимальным, так сказать, экономическим эффектом для всех вовлеченных в процесс сторон, – Игорь Сергеевич снова улыбнулся, очевидно давая понять, что несколько не сомневается в многочисленных талантах Павлика, и приглашающе кивнул. Павлик в ответ неловко заворочался в кресле и тяжело вздохнул.

– Игорь Сергеевич, вы меня уж простите, но можно я с вами сразу откровенен буду?

Брови хозяина кабинета поползли вверх, и он снова улыбнулся.

– Конечно, Павел. Я, собственно, на откровенность и рассчитываю. Хотелось бы представлять, на что рассчитываете вы сами, какие пожелания у вас, мечты, так сказать, устремления? В какой области намерены потенциал свой по максимуму реализовать?

Павлик опять несолидно шмыгнул носом.

– Тут дело такое, – он немного замялся. – Я, честно говоря, даже и не знаю, как начать правильно...

– Ну, как говорится, если не знаешь с чего начать – начни с самого начала! – Игорь Сергеевич улыбнулся, сделал аккуратный глоток чая и вернул подстаканник на стол.

– Да тут сложно с начала начать. Нет тут никакого начала, если уж начистоту говорить, – Павлик на мгновение задумался, а потом, видимо, приняв для себя какое-то решение, встрепенулся и махнул рукой. – А, ладно!.. Я же, Игорь Сергеевич, знаю, о чем тетушка с вами говорила. Догадываюсь, правильное будет сказать, но общий смысл-то ясен. И встреча наша с вами – ее инициатива, если честно, а не моя совсем. Это все старая история, которая уже не один год тянется. Она, тетушка, в смысле, все меня в люди вывести пытается, в меру понимания своего. Спасти хочет, если уж совсем начистоту говорить, на путь истинный наставить. Я сколько раз уже и ей, и мамулику говорил: сами живете – дайте другим спокойно жить. Я же к вам не лезу, жизни не учу, ваше бытие не обустроиваю! А они раз за разом – то им то не так, то это не этак. Мамулик-то смирилась уже, по-моему, – на этих словах он с тяжелым вздохом помотал головой, весьма, надо добавить, обреченно. – А тетушка – ни в какую. Вот теперь еще и вас до кучи подключила...

Собеседник с удивлением и интересом выслушал признание и немного подался вперед.

– Подождите, Павел, не совсем, признаюсь, вас понял. Так

что, вам, значит, работа не нужна?

– Работа?.. Мне??! – переспросил молодой человек и продолжил ломать сценарий нормального собеседования, раздосадовано помотав головой. – Да нет, конечно!.. Что я, по-вашему, раб, что ли, чтобы мне работа требовалась?

Игорь Сергеевич откинулся в кресле и с изумлением посмотрел на своего молодого гостя.

– Однако!.. Теперь я понимаю, почему ваша тетушка о вас как об известном оригинале говорила! Но, признаться, логику вашу не совсем уловил. Причем тут рабство?

– Как это – при чем? – Павлик насупился и пожал плечами. – Мы же с вами сейчас про работу говорим? Так я и повторяю: что я, раб, что ли, чтобы мне работа требовалась?

– Странная какая-то у вас логика, – Игорь Сергеевич с удивлением смотрел на собеседника, чуть заметно покачивая головой.

Павлик сконфуженно завозился в кресле.

– Игорь Сергеевич, вы только не обижайтесь. Я же сразу вам сказал: не знаю, как к вопросу правильно подойти.

Если собеседник Павлика и был задет, то ему удалось сей факт ловко скрыть, потому как он с прежним веселым интересом снова уставился на сидящего перед ним гостя.

– Бросьте, Павел! Что я, гимназистка, что ли, – обижаться? – он еще раз улыбнулся, демонстрируя беззаботное удивление, и пожал широкими плечами. – Просто логика ваша меня немного удивляет.

– А что ей удивляться-то? – Павлик, казалось, помрачнел. – Логика либо есть, либо ее нет вовсе, и странной она быть не может...

Он протянул руку и взял со стола фарфоровую чашечку. Кофе его давно остыл, и он осушил ее до дна одним глотком. Игорь Сергеевич еще раз улыбнулся. Стороннему наблюдателю было бы ясно, что этот чудной разговор забавляет его все больше и больше.

– Так что вы там про рабство-то говорили, молодой человек? Почему это у вас такие ассоциации вдруг возникают?

Павлик насупился.

– Да у меня никаких ассоциаций, как вы выразиться изволили, и не возникает. И логика моя, кстати, самая что ни на есть обыкновенная. Вы сами с точки зрения логики той же посмотрите, что у нас тут получается? Рабы работают, труженики трудятся, управленцы управляют, владельцы владеют... Ну и так далее, по всему длинному списку, – он потянулся к своей чашке, но вдруг отдернул руку. – Игорь Сергеевич, а кофе еще можно попросить?

Собеседник Павлика, все это время с глядевший на своего гостя с нарастающим интересом, встряхнулся и поднялся из кресла.

– Конечно, молодой человек, а мне заодно Танюша чайку свежего нальет.

Он дошел до двери, открыл ее и что-то сказал в пространство приемной. Закрыв дверь и вернувшись к креслу, отвер-

женный работодатель мягко опустился в него и не без любопытства принялся поглядывать на своего визави.

– Признаюсь, удивили, – Игорь Сергеевич правой рукой потеревил себя за мочку уха. – Никогда я под таким углом не рассматривал этот вопрос. Вы меня, честно говоря, немного озадачили, – он улыбнулся. – Слушайте, а если вашей логикой пользоваться, я тоже раб получаюсь? – Хозяин кабинета подмигнул. – Вы, Павел, не стесняйтесь, режьте, как говорится, правду-матку, хоть что-то новое о себе узнаю, – мельком взглянув на часы, он в нетерпении продолжил смотреть на гостя, ожидая его ответа.

Павлик вздохнул:

– Вас, Игорь Сергеевич, мое мнение касательно этого вопроса интересует?

– Ваше, конечно. Если бы Танюшино интересовало, я бы у нее спросил. Так что вы, еще раз повторюсь, не стесняйтесь. Уж лучше про себя суровую правду сразу услышать – все легче будет.

Павлик открыл рот, чтобы ответить, но не успел. Раздался тихий стук в дверь, и секретарша Танюша вкатила сервировочный столик. Танцы с вазочками и чашками повторились, включая слабые протесты одной и легкие смешки другого. Закончив перемену приборов, Танюша удалилась из кабинета.

– Знаете, – Павлик слегка наморщил лоб, – тут главное – с какой точки зрения вопрос рассматривать. Если так, в лоб

и примитивно, то какой же вы раб? Если бы вы, Игорь Сергеевич, рабом были, то сейчас бы в приемной кофе готовили или на охране пропуска проверяли. А у вас тут вон, – он кивнул в сторону панорамы за окном, – весь мир у ног и в прямом смысле, и в переносном. Так что, если таким образом к вопросу подходить, рабом вас, конечно, назвать сложно.

Игорь Сергеевич добродушно рассмеялся и аккуратно отпил чаю из своего старомодного стакана. – Ну, спасибо, на добром слове. Но это, вы сказали, если с одной точки зрения смотреть. А что, есть и другие?

Павлик глотнул кофе и поставил чашку на стол.

– Конечно. А как вы хотели-то? Точек зрения всегда много. Можно с любой посмотреть, и картинка всегда разная будет.

– Вот и посмотрите с другой, – Игорь Сергеевич снова улыбнулся, – и мне покажите.

– Ну, раз вы сами просите, – Павлик на секунду задумался. – Вы прямо сейчас можете все это, – он широким взмахом руки обвел кабинет, – бросить к чертовой матери и куда-нибудь свалить на пару месяцев?

Собеседник удивленно посмотрел в ответ.

– Свалить? На пару месяцев? А зачем мне, как вы выражаетесь, валить куда-то?

– Так это же я для примера просто! А куда? Да хотя бы вон на Мальдивы какие-нибудь. Танюшу прихватили, послали всех к чертовой бабушке – и в аэропорт. Там по бокалу

мартини – и вперед, с песней и в шлепках!

Игорь Сергеевич расхохотался. Отсмеявшись, он запил веселье из своего старомодного стакана.

– Нет, Павел. Так, как вы говорите, не смогу, и причин много.

– А какие? – Павлик даже подался вперед.

– Ну, во-первых, Танюша вряд ли согласится, – Игорь Сергеевич добродушно улыбнулся и подмигнул ему.

– Хм... А вы ее спрашивали когда?

– Нет, Павел, ни разу не спрашивал, – хозяин кабинета рассмеялся и покачал головой. – Боюсь, формат наших отношений такого не позволяет...

– Знаете что, – Павлик потрогал порез на щеке и слегка поморщился, – вы зря боитесь. Я пять к одному дам, что вам только предложить нужно. А дальше – все как по накатанной: аэропорт, мартини, шлепки, Мальдивы, – он снова потянулся к своей чашке.

Игорь Сергеевич удивленно посмотрел в ответ и пожал плечами:

– А почему вы так решили, с позволения спросить? У нас с Танюшей исключительно деловые отношения, – при этом он все же несколько неуверенно помотал головой. – Так что это, уж извините, фантазия. Хотя, конечно, и красивая, не спору.

– А чего мне решать? – Павлик усмехнулся и пожал плечами, – Я вижу. Когда видишь что-то, какие там решения

или фантазии могут быть? Когда видишь – так это знание уже прямое, а не догадки.

– И что же вы видите? И почему я тогда ничего не вижу? – собеседник Павлика смотрел на него с веселым интересом. Разговор, похоже, занимал его все больше и больше.

– А что тут удивительного-то? – тот пожал плечами и усмехнулся, – У вас, извините, взгляд давно замылился, а у меня – свежий. Я вам сразу и говорю: было бы только ваше желание. Да и потом, а чего вы, собственно, удивляетесь-то? Вы на себя со стороны посмотрите: мужчина вы видный, обеспеченный, мягко говоря. Харизма есть, обаяние. А она, Танюша ваша, в самом, так сказать, репродуктивном возрасте. Ей сейчас самое время определяться, с кем гнездовить да как свою жизнь обустраивать. Так что время сейчас во всех смыслах – самое то. И для вас, и для нее!

Игорь Сергеевич захохотал. Хохотал он долго и искренне. Отсмеявшись, он снова потянулся к чаю, однако на полдороге, кажется, передумал и пристально посмотрел на Павлика.

– Слушайте, Павел... – он на секунду запнулся. – А как вы отнесетесь, если я вам предложу коньяку к кофе? – он взглянул на роскошный брегет на запястье. – Время сейчас – обед. У меня-то на сегодня никаких дел уже срочных нет, а вы меня развеселили, признаюсь. Направили мысли в нерабочее русло, – он снова хохотнул, очевидно, что-то вспомнив. – Так что, если позволите...

– Я-то нормально отнесусь, хорошо даже, – Павлик поер-

зал в кресле, – только вот не лишнее ли оно? У вас, как мне кажется, и своих дел хватает, а тут я еще... Мало того, что пришел зря, время ваше трачу и голову морочу, так вы меня и коньяком еще поить будете...

– Ну, за это вы не переживайте, – Игорь Сергеевич мягко улыбнулся. – А то, что зря пришли, так это вы погодите спешить. У меня вот коллега один утверждает, что зря никто и ни к кому не приходит.

– С этим я согласен. Только...

– Ну вот и чудесно! – Игорь Сергеевич слегка поднял руку, останавливая поток возражений. – Я, с вашего позволения, минут на десять вас покину. Чтобы нам с вами потом не прерываться уже, отдам распоряжения кое-какие вниз по команде, – он подмигнул гостю, поднялся из кресла и направился к выходу из кабинета.

Павлик допил кофе, поставил чашку на столик и тоже выбрался из роскошного сидалища. Он развернулся и подошел к окну. На небе ничего не изменилось. На земле, кстати, тоже. Редкие барашки облаков все так же неторопливо плыли по небу. Раздираемая внутренними противоречиями анаконда по-прежнему бесцельно клубилась внизу. Некоторое время Павлик бездумно разглядывал панораму, а потом, движимый внезапным озарением, направился от окна к столу, обошел его и остановился перед картиной, которая привлекла его внимание еще в самом начале.

Картина была довольно большой: около метра в длину и

сантиметров восемьдесят в ширину. Огромная пирамида занимала почти все пространство полотна, где-то далеко, на заднем плане, виднелись размытые очертания гор. Пирамиде, как уже отметил в прошлый раз Павлик, неизвестный художник придал довольно таки странный ракурс – массивное сооружение осязательно кренилось вправо. Словно гигантская невидимая рука толкнула ее в левый бок, а она, хоть и вросла в выжженную солнцем землю за века и тысячелетия, внезапно потеряла точку опоры и теперь в задумчивости балансировала, решая, то ли продолжить начатое падение, то ли собраться с силами и отстоять привычный статус-кво. Клубящееся марево оказалось толпами маленьких человечков, которые будто волны захлестнули подножье могучей твердыни. Люди больше походили на муравьев, штурмом берущих вражеские укрепления, и Павлик отдал должное мастерству художника. С первого взгляда в картине чувствовались странная экспрессия и какая-то тревожная обреченность одновременно. Приглядевшись, молодой человек заметил, что толпы человечков не просто бесцельно роятся вокруг пирамиды, а явно осуществляют заранее продуманный замысел. Бревна или еще какие длинные блоки торчали из марева, то ли подпирая почти невидимый нижний край пирамиды, то ли выполняя другую, неизвестную зрителю функцию. Павлик понял, что толпы человечков-муравьев что-то делают с циклопическим сооружением. «Вот только что? – думал он, с интересом пытаюсь проникнуть в замысел неиз-

вестного художника. – То ли опрокинуть собрались, то ли наоборот – удержать эту падающую конструкцию на месте». Почему-то подумалось, что, вероятнее всего, именно удержать. Павлик сам не мог понять, почему у него возникло такое ощущение, а потом сообразил: дело, скорее всего, было именно в ощущении обреченности, которое возникало при первом взгляде на картину. Было похоже, что пирамида так падала сама, без волевого участия маленького народца, который в меру сил и понимания пытался лишь отсрочить неизбежное, наплывая волнами на гигантское подножие, вооруженный всем, что предоставили близлежащие джунгли и технический прогресс. Из-за приглушенных тонов картины солнца на ней видно не было, но Павлику почему-то стало ясно, что художник изобразил время на закате дня. «А может быть, имелся в виду вовсе и не закат дня, – снова колыхнулось где-то у него внутри, – а закат мира... Точно!» Он потряхнул головой и посмотрел на полотно с новым, внезапно родившимся пониманием. Похоже, картина являла зрителю именно закат мира, а падающая пирамида символизировала крах всего, что было так дорого и значимо для маленьких человечков, пытающихся отсрочить грозный финал.

– Как вам картина? Нравится?

Павлик вздрогнул от неожиданности и обернулся. Хозяин кабинета протягивал ему бокал с коричневой жидкостью и с интересом смотрел на своего гостя.

– Угу, – он пригубил из бокала и поцокал языком, уважи-

тельно вытянув губы трубочкой. – Бомба, а не картина! Я вот только понять не могу, то ли она падает, а они ее удерживать пытаются, то ли наоборот, скovyрнуть хотят, а она – ни в какую.

Игорь Сергеевич тоже отпил из своего бокала, так же одобрительно цокнул языком и повернулся к предмету обсуждения.

– Да, мы с Танюшей уже голову ломали по этому поводу, но к общему знаменателю так и не пришли. Странная картина, конечно... Тревожная, если так выразиться можно, – он снова сделал маленький глоток коньяка и приглашающе повел рукой в сторону кресла. Павлик направился к своему месту.

– Точно! Вот и у меня сразу такое впечатление! Тревога какая-то внутренняя, – он отхлебнул из бокала и одобрительно сморщился, – но и экспрессия тут – будь здоров! Словно бы конец мира художник передать хотел... Как он видит его...

Щека Игоря Сергеевича заметно дернулась, и он как-то странно посмотрел на собеседника.

– Да, приблизительно такое же впечатление и у нас с Танюшей возникло.

Павлик снова перевел взгляд на картину, а потом с интересом посмотрел на хозяина кабинета.

– А что за автор-то? Художник, в смысле?

– Художник-то? А этого, молодой человек, никто не зна-

ет. Картина работы неизвестного мастера, одним словом, – Игорь Сергеевич неопределенно взмахнул рукой и улыбнулся.

– А купили хоть где? – Павлик с интересом переводил взгляд с собеседника на картину за его спиной.

– Танюша купила, – задумчиво пояснил Игорь Сергеевич, словно припоминая подробности, – в Мексике.

– В Мексике?.. – Павлик дернулся в кресле и чуть не расплескал свой коньяк. – Да вы что?!.

Игорь Сергеевич удивленно посмотрел на него.

– В Мексике, Павел, в Мексике. А что вас поразило-то то так?

Однако в ответ тот неопределенно мотнул головой.

– Да это я так... Ассоциации кое-какие возникли, вот и спросил...

Хозяин кабинета немного призадумался, слегка покачивая головой, а потом опять обернулся и еще раз посмотрел на картину.

– Да, тревогой какой-то от нее веет. И экспрессия, конечно, в ней своеобразная, это вы совершенно верно подметили. Да и вообще, мистика с картиной этой сплошная...

– А какая мистика-то? – Павлик снова поерзал в роскошном своем кресле и протянул руку к чашке с остывшим кофе.

– Мистика-то какая? – Игорь Сергеевич бросил очередной задумчивый взгляд на полотно. – Да форменная, Павел, мистика... По-другому, наверное, и не скажешь. Я в конце

прошлого года, буквально перед праздниками новогодними, за несколько дней, сон видел, – он нахмурился, будто речь зашла о чем-то не очень приятном. – Я снов-то и не вижу почти, а этот – яркий такой, как будто и не сон, а явь...

Он несколько раз пощелкал в воздухе пальцами. Павлик не совсем понял, что сей жест призван был обозначить, но на всякий случай согласно кивнул. Приятное тепло от коньяка уже разлилось по телу, и Павлику стало так хорошо и комфортно, что согласиться в данный момент ему было приятнее всего прочего. Его собеседник тем временем собирался с мыслями и вспоминал подробности забытого сна.

– В общем, и не сон это был как будто, а вживую все, даже еще и поярче, пожалуй, чем наяву... И снится мне, Павел, точно такая же пирамида, ну, или похожая очень. Я пирамид-то сам не видел – так, на картинках только. И вот, значит, стою я перед ней... Не рядом, но и не то чтобы далеко очень... Где я, кто я – сам не помню или не знаю, а помню только ее на фоне неба. А оно цвета такого, понимаете, грозного: то ли от пожара зарево на ней, то ли закат такой... И вдруг эта пирамида крениться начинает, и, если я правильно сон вспомнил, как раз слева направо, – хозяин кабинета задумчиво посмотрел на притихшего гостя и чуть улыбнулся. – Неторопливо так кренится, как в съемке замедленной, а вокруг – толпа. И не сотни людей, а тысячи! Роятся все, как пчелы, и рев какой-то стоит или гул, – Игорь Сергеевич снова нахмурился. – Короче, не по себе мне немного стало.

Хотя и далековата пирамида эта от меня была.

Павлик слушал, забыв и про остывший кофе, и про бокал с коньяком.

– А дальше?

– А что – дальше? – Игорь Сергеевич широко улыбнулся и пожал плечами. – Проснулся я дальше! Встал, воды попил да опять лег. Я и забыл бы, наверное, сон этот вообще, но буквально через несколько дней все это опять мне снится! Один в один, как под копирку: пирамида эта, тревога какая-то, людей толпы... Только дольше сон был, – он задумался и ушел в себя, – хотя подробностей я и не помню толком. Только вот, что толпы эти на пирамиду лезут, будто на штурм идут. А потом опять проснулся, вскочил мокрый, как мышь, и до утра заснуть не смог. И не сказать, чтобы там угроза какая была, – Игорь Сергеевич покрутил головой и отпил из бокала. – Нет, просто ощущение такое, что мне что-то делать нужно, причем немедленно. То ли бежать к пирамиде этой, то ли наоборот – от нее. Скорее всего, из-за этого-то и осадок остался странный, от неопределенности этой.

Павлик слушал, открыв рот и позабыв про все на свете.

– И?..

– На следующее утро Танюше рассказал, – улыбнулся Игорь Сергеевич, – «Вам, – говорю, – Танюша, сны не снятся?» Она смеется: «Редко!» – отвечает. Вот я ей и рассказал все – подивились оба.

– А она что? – не унимался Павлик, поглядывая краем

глаза на картину.

– Она лекцию прочла, – его собеседник добродушно усмехнулся и сделал глоток из бокала. – Работать нужно меньше, говорит, а времени себе уделять – больше. Да я бы и забыл, может быть, про сны эти, но Танюша сразу после Нового года в Мексику с подругой на две недели уезжала. В Канкун, по-моему. И что вы думаете? Привозит она мне оттуда, – Игорь Сергеевич выдержал театральную паузу и подмигнул притихшему гостю, – вот эту самую картину и привозит!

– Да ла-а-адно! – глаза Павлика распахнулись, и в них засквозило недоверие.

Его визави засмеялся, довольный произведенным впечатлением.

– Вы мою реакцию себе представить не можете, когда я эту картину увидел! Мне передать сложно словами, но как увидел ее, так будто пол под ногами поплыл. Такое ощущение, что снова в том сне очутился... А Танюша рассказала потом, что на экскурсии они где-то там были, и подруга ее в магазинчик сувенирный затащила. Вот там, на стене, она ее и увидела, и тут же, говорит, сразу мой рассказ – как живой, перед глазами. Ну и, – Игорь Сергеевич развел руками, – естественно, купила тут же.

– Охренеть! – Павлик залпом допил остатки коньяка, не обращая внимания на вкус, и тут же покраснел. – Извините, Игорь Сергеевич!

Тот добродушно засмеялся.

– Знаете, Павел, вы уж палку не перегибайте. Да и потом, – он лукаво подмигнул, – вы себе мою реакцию в тот момент даже представить не сможете! Сказать, что я был удивлен, – вообще ничего не сказать! Даже, не поверите, иррациональные какие-то чувства проснулись... Страх – не страх, но как-то не по себе мне от таких совпадений стало. Вначале вообще сомневался – вешать ее здесь или нет, однако прикипел я к ней, надо признаться, – Игорь Сергеевич с улыбкой посмотрел на гостя и опять подмигнул. – Интригует она меня, завораживает, если честно, – он неопределенно покрутил головой. – Да и в кабинете весьма органично смотрится. Такое ощущение, что всегда висела здесь, – он потянулся к бутылке и разлил густую янтарную жидкость по бокалам. – Как, кстати, коньяк вам, Павел?

Тот неловко сморщился и усмехнулся:

– Да я не сказать чтобы знаток, если уж так-то, по-честному... Тонкостей не уловлю, но то, что коньяк хороший, – потрохами чую! – он немного смущенно улыбнулся собеседнику и пригубил коньяк.

Игорь Сергеевич добродушно рассмеялся, отсалютовал своим бокалом в ответ, продолжая:

– Правильные потроха у вас, Павлик, чувствительные. Это «Людовик Тринадцатый», товарищ привез из Франции. Грешен я – люблю иногда себя хорошим побаловать, – он поставил бокал на стол и подмигнул собеседнику. – Так на чем мы

с вами остановились?

Павлик сосредоточенно наморщил лоб, а потом хлопнул по нему ладонью с неожиданной искренностью в театральном этом движении:

– На гнезде! Мы с вами как раз про гнездо разговаривали, когда вы за коньяком пошли!

Игорь Сергеевич с удивлением уставился на него и несколько ошалело покрутил головой.

– На каком таком гнезде?

– Так на Танюшином же! – просиял Павлик. – Вы про рабство спросили, а потом разговор про Танюшу зашел – поедет она с вами или нет. А я сразу и сказал: поедет! Ей самое время гнездо вить, обустроиваться. Так что все козыри – у вас на руках!

Хозяин кабинета издал звук, похожий на недоуменное кряканье, и снова потянулся к бокалу за спасительным в подобной ситуации глотком коньяка.

– Да ладно, Павел!.. Бог с ней, с Танюшей и ее гнездом... Наговорите, введете в смуту и блуд! – он лукаво улыбнулся. – А что это вы так категоричны-то, молодой человек? Сразу – гнездо, возраст репродуктивный. Можно подумать, у молодых и красивых девушек один интерес: гнездо, как вы выражаетесь, свить да птенцов наплодить!

– А вы что ж думаете! – Павлик разругался и разгорячился. Действие «Людовика Тринадцатого» становилось заметно невооруженным глазом. – Еще Ницше в свое время

сказал: «Мужчина создан для битв, женщина – для отдохновения воина. Все остальное – глупость». Так что хватать нужно – и на острова!

Хохотать Игорь Сергеевич, как немедля выяснилось, умел и, кажется, любил. Он даже расплескал немного благородной жидкости на паркет, пока пытался перебороть себя, чего, надо отметить, сделать так и не смог, а посему продолжил хохотать с завидной самоотдачей. Немного успокоившись, он потянулся к стакану с остывшим чаем.

– Н-да, Павел!.. Давненько меня так никто не развлекал! Вы уж за реакцию извините – я очень живо себе представил: выхожу такой в приемную, хватаю Танюшу, в машину... А там вы уже маршрут обрисовали! Аэропорт, самолет, острова, – он покачал головой, улыбнулся и с легким прищуром посмотрел на своего молодого собеседника. – Ну хорошо, у вас все ловко и просто получается... А как же загадка в женщине? Тайна? Ницше ваш по этому поводу ничего не уточнял?

Павлик чуть насупился и пожал плечами:

– Почему же не уточнял? Ницше как раз по этому поводу однозначно и сказал, прямо-таки со всей космической прямотой: «Загадок в женщине – тьма, а разгадка одна – беременность!». По поводу тайны не знаю, а во всем остальном я с ним согласен, – он в своей манере, немного по-детски, шмыгнул носом и потянулся к бокалу.

– Загадок много, а разгадка одна, выходит? Эх, молодой

человек!.. Феминисток на вас нет с идеей равенства полов и прочими прогрессивными тенденциями...

Павлик нахмурился еще больше:

– Знаете, что я вам скажу, – он покрутил в руках свой бокал и поставил его на стол. – Феминистки эти ваши и прочие разные гоблины – от них вот вся хрень и идет. Простые и естественные законы природы вспять развернуть хотят! Мне вообще кажется, что мир наш уже давно с катушек, извините, слетел! Вначале тетки за свои права бороться начинают, которые у них не отбирал никто, вместо того, чтобы родить спокойно и делом своим заниматься. А потом, следом, – Павлик саркастически хмыкнул, – остальные подтягиваются и вносят смуту и блуд в стройные ряды мирных обитателей социума. Начинается, кстати, все с теток, как правило, – он тяжело вздохнул и искоса посмотрел на своего оппонента, – а заканчивается пидорами всякими, уж извините за мой французский...

Игорь Сергеевич вновь расхохотался, с веселым удивлением поглядывая на собеседника: похоже, горячность Павлика его забавляла. Он без дегустационных изысков сделал приличный глоток «Людовика».

– А геи-то вам, молодой человек, чем не угодили?

Павлик недоуменно пожал плечами:

– А кто тут про геев-то говорил?

– Так вы же сами только что сказали, – Игорь Сергеевич пощелкал пальцами, словно копируя своего собеседника, –

а потом, дескать, и эти подтягиваются!

– Я про геев – вообще ни полслова! – тот завозился в кресле и возмущенно затряс головой. – Я, может быть, и не сильно толерантен в этом вопросе, но к геям у меня никаких особых претензий нет! До тех пор, конечно, пока клубятся междусобойчиком содомитским промеж друг друга и свои прогрессивные идеи в массы широкие не несут! Я, вообще-то, именно пидоров разных в виду имел. А пидоры и геи – это, – Павлик пощелкал пальцами, – две большие разницы, как в Одессе говорят.

Игорь Сергеевич хмыкнул и опять пригубил бокал.

– Категорично! А где у вас, уж извините меня, водораздел проходит? Между первыми и вторыми? – он усмехнулся и лукаво подмигнул. – Как вы, молодой человек, дефиницию тут осуществляете?

– Интуитивно, конечно! – Павлик утвердительно покивал. – В этом вопросе, если хотите мое мнение знать, только так эту самую вашу дефиницию осуществлять и возможно: исключительно интуитивно. И любой русский человек, кстати, – он тоже усмехнулся и подмигнул собеседнику в ответ, – никаких сложностей в данном вопросе не испытает. За другие нации я вам не отвечу, а уж русский человек задницей, можно сказать, этот водораздел ощущает. А ум тут как раз – советчик никудышный, – Павлик задумчиво пригладил непослушную шевелюру и посмотрел за спину собеседника.

– А если ошибетесь? Начнете интуитивно дефиницию

осуществлять и ошибетесь?

– И такое бывает, конечно, – молодой человек потрогал на щеке порез и страдальчески скривился. – Тут все опыт личный решает, впрочем, как везде и всегда. Тот самый опыт, про который классик еще написал: «И опыт, сын ошибок трудных...», – он ухмыльнулся. – Можете мне на слово поверить, что стоит вам только пару раз дефиницию эту неправильно осуществить да пидора за гея обычного принять, у вас дальше механизмы самосохранения автоматически включатся. От геев-то, – он мрачно вздохнул, – особого вреда, считай, и нет. Это же отклонение просто, сбой программы, если хотите. Можно просто сказать: больные люди. А вот пидоры, Игорь Сергеевич, – это совсем другая история. От них только гадость разная космических масштабов да прочие глобальные проблемы в среднесрочной перспективе...

Павлик залпом допил коньяк. Действие «Людовика Тринадцатого» явно набирало обороты: щеки у него покраснелись, движения стали живее и размашистее.

– Значит, говорите, все беды от них? От этих самых, – Игорь Сергеевич помахал в воздухе пальцами, – от нехороших людей?

– Да нет, конечно, – Павлик пожал плечами и нахмурился. – Это вторично все, по большому счету. Беды все настоящие от неумения людей дефиницию эту вашу осуществлять возникают да от политкорректности проклятой. Встретят, к

примеру, такого вот персонажа нехорошего на своем пути и начинают мяться в нерешительности. А стоит ли, дескать, сейчас эту дефиницию осуществлять? А не обидим ли мы, часом, товарища пидора такой вот дефиницией? А может быть, и не пидор это вовсе, а гей самый обычный? Вот и мнут люди сиськи до бесконечности, уж простите за метафору, отдавая инициативу нехорошему товарищу и собственное время понапрасну теряя. А этим, – он опять прищелкнул пальцами и подмигнул своему визави, – нехорошим людям, как вы их все назвать норовите, только того и надобно! Они с этой инициативой, что из-за вашей нерешительности у вас же и перехватили, да форой временной таких дел натворят! Нет, Игорь Сергеевич, не в них дело, не в пидорах. Люди сами виноваты во всем, если уж с этим вопросом подробно разбираться. Начинается все с нерешительности, потом уже и полутона всяческие в дело вступают вместо четкой и однозначной дефиниции, а дальше люди слезы лить начинают, когда пидор весь свой потенциал неожиданно для них раскроет. А если сразу водораздел сей ощутить интуитивно и дефиницию безошибочно осуществить, то потом уже проблем значительно меньше будет. И у вас, и у пидоров, и, кстати, даже у геев, – Павлик с сожалением осмотрел опустевший бокал. – Предупрежден – значит вооружен, как кто-то из великих еще сказал. А дефиниция безошибочная и решительность – как раз самое первое оружие и есть, чтобы сразу себе отчет отдавать, кто перед тобой и как с этим сабжем

впоследствии вести себя нужно...

Собеседник смотрел на Павлика с широкой улыбкой и откровенно наслаждался разговором. Он еще плеснул из пузатой бутылки по бокалам, отсалютовал своим и аккуратно пригубил его.

– Значит, от политкорректности все беды?

Павлик потянулся было к своему коньяку тоже, но, внезапно передумав, отдернул руку:

– А можно чайку попросить горячего? А то коньяк ваш больно легко идет. Как бы не переборщить...

– Конечно, – Игорь Сергеевич встал с кресла, направился к двери, вышел в приемную и заговорил с Танюшей.

Павлик тоже покинул кресло и подошел к окну. Анаконда внизу все так же медленно и бесцельно клубилась, то сжимая, то разжимая гигантские кольца пробок. Маленькие человечки обреченно сновали к клубам сизого автомобильного смога. Он подумал, что именно так мог бы выглядеть гигантский муравейник, все обитатели которого разом потеряли жизненные цели и ориентиры, но сохранили достаточный заряд бодрости для передвижения, чтобы туманные воспоминания гнали их по привычным и набитым маршрутам, и на некоторое время даже потерял себя, растворившись в городском пейзаже, но голос хозяина кабинета выдернул его обратно в реальность.

– Угощайтесь, Павел, пока горячий.

Павлик повернулся. На приставном столике появились

чайный сервиз и вазочка с печеньем. Игорь Сергеевич хитро взглянул на собеседника и, по своему обыкновению, подмигнул:

– Теперь, выходит, политкорректность во всем виновата?

– Можно сказать и так, конечно, – Павлик глотнул чаю. –

Но и это вторично, по большому счету, если хотите мое мнение по этому поводу знать. Основная беда в том, что мир сейчас с ума окончательно сходит, словно конец света уже не за горами. Сами смотрите, что творится: вначале тетки за свои права бороться начинают, потом геи к ним подключаются, следом – еще какие-нибудь прогрессивные и сексуальные меньшинства. Еще десять лет назад все вроде бы чинно и спокойно было, а сейчас – сплошная революция налицо! Тетки – революционеры, геи – революционеры, прочие разные извращенцы, которые раньше тише воды и ниже травы по углам сидели, – опять революционеры! И все про права свои орут, а про обязанности – молчок, как будто и нету ни у кого никаких обязанностей. Это что, норма, что ли, теперь такая? – он возмущенно покрутил головой и снова сделал глоток из чашки. – У вас, подозреваю, ощущение сложиться может, что я шовинист какой, – Павлик слегка улыбнулся, – но это ведь совсем не так! Я же ни против теток, ни против этих, которые, слава богу, в меньшинстве пока что еще выступают, ничего особенного не имею. А вот то, что законы природные с ног на голову повернуть хотят, понятия базовые и фундаментальные размыть, вот это мне, Игорь

Сергеевич, совершенно не симпатично, если мягко обозначать свое отношение к ситуации происходящей. Да и потом, бред же один и сплошной получается, если с каждым вопросом отдельно разбираться начать. Давайте хоть теток возьмем, которые за права свои непонятные все копыя уже поломали. Тут ведь основной вопрос-то в чем? Правильно, равноправия они хотят, с мужиками все возможностями и способностями меряются. Но разве мать-природа мужиков и теток одинаковыми да равными создала? Да нет, конечно! И слабее женщина, и организация у нее совершенно другая, и функция в этом мире вполне определенная есть: детей родить, воспитать и вырастить. А они все работать наравне с мужиками рвутся, как будто им радости никакой больше нет, кроме как наравне со здоровым лосем на дядю чужого горбатиться. И на хрена равенство-то такое нужно, я одного в толк не возьму? Как по мне, так функции всем мать-природа вполне адекватно и разумно определила. Мужик воюет, добычу в дом несет, врагов от родной деревни отгоняет. Тетка за очагом следит, детей рождает и воспитывает, уюты в доме наводит, атмосферу создает, чтобы добытчик не по чужим пещерам шлялся, а в свою вернуться спешил! Это же не я такое выдумал, – Павлик возмущенно потряс головой и развел руками, словно призывая Игоря Сергеевича в свидетели, – это же природа все так устроила и отрегулировала! А тут про права женщин начинают контуженные всякие верещать, которые нарушены якобы! Какие права у них нарушены? Вме-

сто мужика по башке дубиной получить, когда соседи на деревню набег устроят? Мамонта дрекольем закидывать рвутся, когда мясо на ужин добыть нужно, или что? Пахать хотят по четырнадцать часов в день? Это же охренеть можно, прости меня господи! – щеки Павлика пошли крупными пятнами, а сам он стал похож на грозного взъерошенного вороненка. – Так если бы мать-природа равноправие предусматривала, она бы теткам и мышцы, как у мужиков, дала бы, чтоб им дубиной махать сподручнее было, и мужикам – возможность рожать, пока тетки деревня на деревню с дрекольем ходят! Так ведь нет этого ничего! У тетки право одно – любимой быть, самой любить мужа, детей своих! А биться за право на равных с мужиком горбатиться, – он перевел дух и жадно припал к остывшему чаю, – только совсем полоумные и могут, если вам мое мнение интересно. Вон Танюша у вас в приемной... Молодая, красивая.. Ей что, рабочий день длиною в восемь часов для счастья женского необходим? Да нет, естественно! Руки мужские заботливые, дом – полная чаша, пляж солнечный, куда из Москвы промозглой зимней сорваться можно, да бэбики кучерявые, чтобы им глаза на мир этот чудесный открывать! Вот Ницше поэтому и сказал так, как сказал: «Мужчина создан для битв. Женщина – для отдохновения воина. Все остальное – глупость!» Ницше, может быть, под старость лет со своей философией умом-то и повредился, как некоторые считают, но тут он все в точку подметил. Против природы идти – голову сломить в средне-

срочной перспективе.

– Однако! Как вас за живое-то задевает!

– Так я ж не в безвоздушном пространстве живу, – Павлик развел руками и криво усмехнулся. – Да ладно – тетки еще, с них, в силу известных причин, и взятки гладки! А эти, в меньшинстве которые еще пока, с ними-то все гораздо печальнее и беспокойнее получается! Они же вслед за тетками начинают за права свои бороться! – он закатил глаза, видимо, пытаясь передать собеседнику крайнюю степень своего негодования и гневно потряс головой. – Это же вообще полный трындец, прости меня господи, если к этому серьезно относиться начать! У них-то какие права, извиняюсь, нарушены? Содомусом взаимным им заниматься, что ли, кто-то запрещает или с гневным осуждением во время процесса со свечкой стоит? Да нет вроде... Сейчас же размягчение нравов всеобщее, хочешь – хоть в ухо, хоть в глаз, хоть куда ради страсти своей присовывай, никто уж и не удивится и слова худого не скажет. Я же вам недаром до этого про права и обязанности сказал, что про первые все вроде как помнят, а вторых, считай, ни у кого уже и в помине нет! Но им-то мало прав своих, в которые не лезет никто, они же со своим, извиняюсь, свиным рылом в мой калашный ряд лезут! – Павлик залпом махнул остатки коньяка, отер разгоряченный лоб. – Им же содомию свою напоказ выставить нужно, в нос ею ткнуть, чтобы видели все и восторгались! Смотрите, дескать, как я могу! А я вот ни фига не хочу на это непотреб-

ство смотреть, да и слышать про него ничего тоже не хочу! – он мрачно покивал, с сожалением глядя на пустой бокал, и прицокнул языком. – Мое право – непотребства этого не видеть – оно кого тут интересует? За него почему никто бороться не спешит? Ладно, дали вам права ковырять друг друга как хотите, так ведь и обязанности еще должны быть! Втихаря, например, дело свое делать, умы посторонние не смущая и психику хрупкую да неподготовленную не коверкая, так нет же! Я вот что-то ни одной демонстрации не припомню, – Павлик издал саркастический смешок, – которая бы за обязанности геев боролась. За права – пожалуйста, а за обязанности – никто и слова не скажет. Справедливо это разве, если пристально и внимательно вопрос этот изучать начнем? Ясен перец, что нет. Так это еще цветочки, – он безнадежно махнул рукой и посуровел лицом. – За ними-то и прочий творческий народ ведь подтянется! Одному дай право овечек любить, второму – собачек, третьему – девочек и мальчиков маленьких, а потом и за право по телевизору разврат свой транслировать с трусами наперевес на улицу выйдут! А я не хочу! – Павлик окончательно помрачнел и для убедительности покивал, исподлобья взглянув на собеседника, который всю тираду выслушал молча и лишь улыбался. – Не хочу я такую хрень на голубом экране вечером видеть. И чтобы дети мои такое видели, если будут дети, конечно, тоже не хочу! Но мое право не видеть и не слышать бардака этого, оно почему-то никого в принципе не интересует. У ме-

ня скоро вообще никаких прав не останется, кроме обязанности на это творческое меньшинство в агрессивном экстазе смотреть. Зато у них – обязанностей ноль, а прав – вагон и маленькая тележка. И заметьте! – он торжествующе качнул головой. – Что ни пример – сплошное извращение природных устоев и размывание всяческих норм! Вот что меня в первую очередь во всей этой истории и волнует. Вначале – толерантность эта, чтобы душа привыкала на непотребство спокойно смотреть, потом – полутона всякие, размытость и неопределенность. А дальше – спохватиться не успеешь, как «хорошо» и «плохо» местами между собой поменяются, и тогда через десяток лет, если так дело пойдет, хочешь – не хочешь, а будь любезен с мужиком в постель ложиться или с собачкой, на худой конец! А я отказываюсь! – Павлик в сердцах стукнул ладонью по подлокотнику кресла и отпил остывшего уже чаю.

– Н-да, – Игорь Сергеевич с улыбкой смотрел на разгоряченного гостя и восхищенно улыбался. – Какая экспрессия, однако, молодой человек! Видно, что задевают вас все эти меньшинства творческие, как вы изящно выразиться изволили.

– Бросьте! – тот опять невесело усмехнулся. – Вы меня вообще неправильно понимаете, как я погляжу. Плевать я хотел на все эти меньшинства, пока они лично ко мне со своими творческими планами не лезут! Дело совсем не в них. А дело тут в тех, кто все эти фундаментальные природные

устой размыть норовит и белое черным заменить, чтобы людям окончательно мозги запудрить было можно. И вот это то как раз, если мое мнение вас интересует еще, на пидоров работу и похоже. Только им подобная изощренность свойственна, и размах тоже их масштаба. Да и на перспективу они работать умеют, чему в истории, к сожалению, есть примеры. Так что, если у меня к кому претензии и есть, так только к этим вот нехорошим персонажам, – Павлик с благодарностью принял очередной бокал и принялся в задумчивости смаковать благородный напиток, который к тому же дарил ощущения исключительно приятные.

– Интересные у вас взгляды, – Игорь Сергеевич с неизменной улыбкой покачал головой. – Но это эмоции все больше. Вы бы пример какой-нибудь наглядный привели, чтобы мне понятно стало, каким образом вы представителей творческого меньшинства, как вы их называете, от этих самых, кто устои фундаментальные размывает, отличаете? – он взял в руки свой бокал и, потягивая элитный напиток, добродушно ждал ответа.

– А что тут приводить, – Павлик свел брови, – вся история – один и большой пример. Вон, в Индии, к примеру, в 19-м веке у англичан с индусами конфликт произошел. Индусы по всему миру как начали ткани свои продвигать, так английские-то на складах и подзависли конкретно. Индусы же – по тканям мастера еще те! – он одобрительно поцокал языком, словно вспоминая индийские ткани и неизвестных

мастеров. – А у англичан – свои мануфактуры да фабрики. Нет сбыта – нет работы, и народец английский потихоньку бунтовать принялся: какого, дескать, лешего ткани наши никому не нужны и товар на складах без движений? Так вы знаете, как изящно эти товарищи английские вопрос с конкуренцией решили? Пять тысяч ткачей индийских в один день в поле вывели и всем пяти тысячам пальцы на правой руке – вжик! – он сделал характерный жест усекновения. – Чтобы конкуренцию на корню изничтожить! Вы вот мне теперь и скажите после этого – ну не пидоры разве? Ладно бы там санкции ввели какие-нибудь, эмбарго или что еще бывает... Нет, по живому сразу, чтоб наверняка!

У него на лице снова вспыхнули пунцовые пятна. Было непонятно: то ли тема так сильно задела его за живое, то ли действие напитка с венценосным именем усиливалось. – Да ладно – Индия с ткачами, – досадливый взмах рукой. – Грех такое говорить, конечно, но там ведь пять тысяч человек всего, да и живы все в итоге остались, пусть и без пальцев. А Китай возьмите, в котором эти нехорошие английские люди опиум продавали! Там же на сотни тысяч – нет! – на миллионы жизней сломанных счет-то шел! А когда правительство китайское запрет ввело на продажу дури этой страшной, так кое-какие неосознательные товарищи еще и войну Китаю объявили! И ведь расфигачили, естественно, китайскую армию вместе со всем их гуманитарным протестом, а для верности контрибуцию наложили – сиречь, ограбили страну и

право дурь в нее поставлять беспошлинно себе обеспечили. Вот вам и гешефт: в Индии опиум растили, в Китае полстраны на дрянь эту подсадили, чтобы деньги выкачивать. Ну и как называть теперь этих самых нехороших людей с сомнительными моделями поведения?

Теперь уже Игорь Сергеевич хмурился и смотрел недоверчиво:

– А вы где это взяли, Павел? Откуда информация?

Тот удивленно поднял глаза:

– Как – откуда? Из истории. Учебник вон откройте – там все есть.

– Да... Не в курсе был. Ну, если так, то тут с вами спорить сложно. Действительно, – он грустно покачал головой, – беспредел, соглашусь.

– Ага, – Павлик кивнул, – беспредел. Это уже не беспредел, как по мне, это уже гора-а-аздо хуже! Впрочем, от этих рептилоидов ничего другого и ждать нечего.

Игорь Сергеевич уставился на гостя в изумлении:

– От кого, простите?

– От рептилоидов, – чувствуя надежную поддержку «Людвика XIII», Павлик решительно кивнул. – Нормальным людям такого в век не удумать. Тут уже, извините, вообще мышление другое нужно, чтобы подобное придумать и воплотить. И сознание другое. Такие только у рептилоидов быть и могут!

Игорь Сергеевич склонил голову влево, потом вправо,

словно пробовал уложить в мозгу такой вираж мысли, для пущей надежности призвал в помощники безотказный напиток и с сомнением взглянул на разгоряченного собеседника:

– Не понял. А это-то кто такие?

– Эти-то? – Павлик неопределенно пожал плечами и хмыкнул, искоса поглядев на своего визави. – Да есть такая версия, что захватили Землю нашу когда-то эти самые рептилоиды. Их так и зовут, потому что у них, как у рептилий, мозгу ноль, в человеческом, конечно, понимании. А вот сожрать им кого-нибудь, невзирая на лица и числа, так сказать, – самое счастье. Причем, абсолютно все равно им, кого жрать. Хошь – мамку родную сожрут, хошь – ребеночка своего, был бы гешефт. Вот они и влились в стройные ряды землян, и мимикрируют под нормальных и обычных членов социума. А потом и вовсе власть подмяли под себя почти полностью. Так вот войны и все прочие ужасы – от них исключительно!

Игорь Сергеевич смотрел и удивленно улыбался:

– И вы что, молодой человек, верите во все это?

– Знаете, что я вам скажу, – Павлик задумчиво покрутил в руках бокал и слегка прищурился, всем видом теперь транслируя неопределенность. – С одной стороны, я и сам скептически к этому отношусь, к истории этой альтернативной. Тут ведь глазом не успеешь моргнуть, как сам пострадавшим окажешься. Безумие – штука заразная, как известно, а у этих товарищей альтернативщиков что ни теория – то одна дру-

гой краше, что называется. То у них планета Нибиру на Землю пикирует, то мировое закулисье в заговор с жидомассонерией вступает, то Земля плоская, то Луна полая, то еще какая-то хрень, извините, произойти норовит. А с другой стороны, недаром ведь в народе говорят: дыма без огня не бывает! Да и потом, я вам рупь за сто дам, что тут какая-то собака да порылась. Не могут так люди нормальные поступать, как эти товарищи с ткачами и китайцами поступили. Ни при каких раскладах у нормального человека рука не поднимется непотребства подобные творить! Тут порода особая требуется, мышление соответствующее. Не наше это, не земное мышление...

Игорь Сергеевич попытался возразить:

– Да бросьте, Павел. Вы вспомните, что немцы обычные во Вторую мировую творили! Не нужно было никаких ваших рептилоидов! Концлагеря эти, Освенцим, Бабий Яр... Самые обычные и нормальные люди в одночасье зверями стали, – он тяжело вздохнул.

– Не, не соглашусь. То, что обычных людей в зверей в одночасье превратили, тут, с моей точки зрения, вообще ничего чудесного с удивительным и в помине нет. Это тупо, что называется, дело техники. Не в людях дело-то, которые потом генеральную линию партии в жизнь претворять начинают. Здесь же кто-то руководить всем процессом должен, цели и задачи ставить, – Павлик заметно посерьезнел. – Вот это как раз и похоже на их работу, рептилоидов этих. А то,

что потом простой люд с катушек слетает, уже дело десятое. Я с вами, Игорь Сергеевич, сейчас спорить не хочу, но!.. – он сделал упреждающий жест рукой. – Печенкой чую: есть во всем этом что-то, зерно здоровое, в смысле. Но что за собака тут зарыта, мне пока не до конца ясно, – он залпом допил коньяк и поставил бокал на стол.

– Знаете, молодой человек, – Игорь Сергеевич развел руками и немного снисходительно улыбнулся. – Мне кажется, это у вас максимализм юношеский еще прет, уж простите за откровенность. Уж слишком по-вашему все просто получается: это белое, это черное. Мир-то, – он кивнул на панораму за окном, – мир не так прост. В нем цветов и оттенков масса.

– А я с вами тут спорить и не собираюсь, – Павлик согласно кивнул. – Мир, конечно же, цветной, я не дальтоник – сам вижу. Только я вам вот что на это скажу, – он на секунду задумался и вдруг весьма хитро заулыбался. – Мир-то, может быть, и цветной, но начинается его разноцветное великолепие с единственного цвета! Тут и никакой эзотерики не нужно, одна сплошная наука нам в помощь. С белого цвета вся эта ваша красочная феерия начинается, а уж он остальные все цвета в себе содержит. А где белый, там и черный, соответственно. И прежде, чем про сложные вещи рассуждать, нужно первичную дефиницию эту вашу осуществить решительно и безошибочно. Белое от черного вначале отделить требуется. А как осуществили вы эту самую первичную дефиницию, так потом свой мир хоть какими красками рас-

крашивайте! Хоть розовыми, хоть лиловыми, но зад ваш в безопасности будет. А вот если вы сразу с этой, – Павлик пощелкал в воздухе пальцами, привычным жестом подзывая слова, – с дефиницией, ошиблись, вы ничего еще раскрасить толком не успеете, а к вам уже трое пристроятся и еще базу под это дело подведут!

– Какую базу? – Игорь Сергеевич недоуменно уставился на гостя.

– Как какую? Идеологическую, конечно. Пидоры, Игорь Сергеевич, всегда базу идеологическую подводят под непотребство свое. Причем, – Павлик о чем-то задумался и снова улыбнулся, – стройную, как правило, базу-то подводят, засранцы. Они же и в Англии тогда базу подвели под ткачей этих. Люди, говорят, эти второго сорта, индийцы то есть. Конечно, – он резко разгорячился, – они, значит, с Иеговой своим – первого сорта, а индусы с Кришной – второго выходят. Тут логика на сто процентов ясна, Игорь Сергеевич. Если в этом вопросе начать разбираться, вся эта афера с Иеговой сразу наружу вылезет! А если индусов вторым сортом объявить, кто же с ними и Кришной их разбираться-то будет?

Игорь Сергеевич немного ошалело покрутил головой.

– А Иегова тут причем? И Кришна ваш?

– Кришна, во-первых, не мой, – Павлик снова машинально потер порез на щеке. – Кришна индусский как раз, из их традиции. А вообще, я вам так скажу: тут ведь вопрос сложный очень в действительности. Мировоззренческий, можно

сказать вопрос. Тут ведь в чем дело, вы думаете? Одни с Иеговой мосты навести хотят, и наводят, заметьте. А вторые, индусы к примеру, так они наоборот, мимо Иеговы проскочить намерены, им с ним разговаривать в принципе не о чем. Вот и получается: одни – за одного, вторые – за другого. А если еще глубже копнуть, – Павлик опять над чем-то задумался, а потом нахмурил брови, – так тут еще сложнее... А с другой стороны – и проще все. Эти, с Иеговой которые, они за рабство, а индусы и иже с ними – за свободу. Если коротко, то вот такая картина получается, – он выдохнул и махом осушил остывший чай.

Игорь Сергеевич разгорячившегося собеседника выслушал с прежним интересом, но улыбался теперь все больше удивленно:

– Вообще ничего не понял, уж простите меня. Иегова какой-то, Кришна. Свобода, рабство... А попонятней можно?

– Можно, Игорь Сергеевич, – Павлик вздохнул, – только, боюсь, не выйдет. Тут не на один ящик «Людовика» вашего спич. Люди к этому годами идут, а вы хотите, чтобы я вам за пять минут объяснил, что да к чему.

Хозяин кабинета покачал головой, усмехнулся и потянулся к бутылке, плеснув в бокалы немного янтарной жидкости:

– Да, содержательный у нас с вами разговор получается. Начали с Ницше, закончили Кришной, – он чему-то тихо засмеялся, – А вы сами, Павел, как к этому пришли?

– Да я ни к чему еще не пришел толком, – пожал плечами

в ответ тот. – Так, по кусочкам пазл собираю. То тут что копну, то там. Информации масса, пока ее переваришь, зерна от плевел отделишь – время-то идет. Потихоньку вырисовывается что-то, а целостной картинки пока нет.

– Ну да ладно, – Игорь Сергеевич снова улыбнулся, – а что за свобода-то? За которую индусы? От чего эта свобода?

Павлик недоуменно пожал плечами.

– Что значит – от чего? Свобода, за которую индусы, она не от чего-то, она вообще. Полная и тотальная, как ее некоторые называют. Глобальная, если так можно выразиться, свобода. Бывает ведь и ограниченная свобода, когда люди от чего-то конкретно свободны. Кто-то от армии свободен, кто-то – от семьи. Кто-то с куревом завязал и от сигарет освобожден, но это все – суррогаты, с позволения сказать. А тут речь именно что о самой главной свободе идет...

– А конкретнее можно?

– Можно, – Павлик кивнул. – Можно и конкретнее, конечно. Но неужели вы сами не догадываетесь, какая тут самая главная свобода? На Земле, я имею в виду, вот такая она, по-вашему, эта самая главная свобода?

Его собеседник неуверенно развел руками:

– Я, если честно, даже ваш вопрос до конца не понимаю. Что значит «самая главная свобода на Земле»?

– А что тут не понятного? А, ладно, – он махнул рукой. – Про свободу, конечно, можно вообще долго говорить, сами понимаете. Свобода, она ведь и в мелочах проявляется в бы-

товых... Вот, к примеру, с чего у нас с вами все началось? – он заговорщицки подмигнул своему визави, а тот неопределенно повел головой. – С отпуска вашего, с Танюшей – на Мальдивы, помните?

Игорь Сергеевич едва заметно нахмурился.

– Ну ладно, – Павлик чуть улыбнулся, – пусть будет просто с отпуска. Так ведь, я думаю, вы и в него сорваться вот так вот – без раздумий, внезапно – тоже, поди, не сможете? Оно и понятно, – он согласно закивал, – дел невпроворот, владелец заводов, газет, пароходов! Сотрудники, партнеры, дела, переговоры... А ведь получается, если разбираться начать, что у вас даже тут никакой свободы нет, – бизнесмен попытался было возразить, но не успел: Павлик сделал жест, призывая его к молчанию. – Не, так-то все ясно и понятно, но это, если начистоту, – отмазки все. Если есть свобода, значит, сели в авто, а там уже – самолет, пальмы, девчонки в бикини ну и прочие пляжные радости. А если вам все это устраивать специально нужно, организовывать, подгадывать сроки, договариваться, так это свобода разве? – он отпил коньяку и с горячностью продолжил. – Но это только один пример! А вот партнеров ваших коснись деловых. Я их, конечно, знать не могу, но рубль за сто даю: вы и тут связаны, как гусеница коконом, кому чего сказать можно, кому – нельзя. Политес там всякий, бизнес-интересы... Вам, если уж так руку-то на сердце положить, Игорь Сергеевич, даже пидору в глаза сказать сложно будет, кто он такой на самом де-

ле! Опять же – воспитание, нормы там социальные, мораль, нравственность... А если он, не дай бог, конечно, еще и по бизнесу к вам придет, так вообще ахтунг: вместо того, чтобы дефиницию осуществить, вам с ним политес разводить придется. И опять же все ясно и разумно: чистый бизнес, ничего личного. И вот так – чего не коснись, – он махом допил коньяк и потянулся к чайнику, – везде какие-то рамки, нормы всякие ограничивающие, барьеры... А вот про работу-то мы с вами начали, да не закончили, а теперь сами смотрите... Вы, получается, вовсе и не раб, ежели так смотреть, со стороны. Если по внешним признакам судить, то вы владелец получаете, ну, или управленец как минимум. Но вместе с тем вы при всем своем желании и в отпуск-то сразу сорваться не можете с бизнесом этим, и свободы-то личной, – Павлик хитро прищурился, – у вас никакой, по большому счету, и нет! А если уж совсем откровенно, то у вас точно такое же рабство, как и у всех вокруг. Только цепи, – он мотнул головой в сторону панорамы за огромным окном, – из золота... Но это же, если разобраться, один хрен, на чем сидеть: как кот пушкинский, на золотой цепи, или, как узник в подвале чеченском, – на ржавой и стальной... А потом, – он слегка нахмурился, – вы-то ладно еще, какая-никакая свобода имеется все же за счет положения вашего. А на остальных гляньте, на людей нормальных и обычных. Я, знаете, недавно о чем думал? – Игорь Сергеевич с улыбкой покачал головой, но Павлик этого даже не заметил. – Тут не просто рабство,

а вообще безнадега получается... Сами смотрите, – он начал загибать пальцы на руке, – работа – восемь часов, обед – один, итого – девять. На работу – час, с нее – час, и это минимум. Если кто в пробках стоит, и считать нечего: по любому три часа в день – навывлет. Таким макаром, двенадцать-тринадцать часов в день вынь да положь, чтобы пайку свою у дяди доброго получить. На сон восемь накинём, в среднем если считать, плюс-минус, – Павлик секунду что-то прикидывал в уме. – Итого у нас с вами двадцать один – двадцать два часа в сутки ушли, чтобы на добрых людей ишачить... А в остатке что? Пара-тройка часов на себя? А дети там, жена, муж... Постирать, сготовить, убрать что-то... Я вот, Игорь Сергеевич, как считать начал, чуть не охренел напрочь!.. А однажды летом из-за города ехал: утро, пробка, машины ползут – не едут... Так я те тридцать кэмэ до Москвы два часа тащился, хотя ни аварии не было, ни ремонта какого. И ведь так каждый день люди в колесе безнадежном этом крутятся! Вот я и начал прикидывать: четыре часа – на дорогу, девять – работа с обедом, семь – сон. И в сухом остатке – двадцать часов каждый божий день коту под хвост улетает! А на себя, если по-честному считать, так и вообще не останется ничего. И вот так жизнь целая пролетает! А в лица смотрю в эти, в машинах которые, – Павлик помрачнел, – а там людей-то и нет... Так, роботы какие-то, даром что живыми кажутся. Глаза потухли, лица мертвые, серые. И понять можно: это ж конвейер натуральный, он из кого хошь зомбака сделает...

Игорь Сергеевич протестуяще взмахнул рукой:

– Ну, Павел, это вы уж краски сгустили! Ведь каждый сам свою судьбу творит, хочешь – поменяй работу, место ищи, занятие.

– Ага, поменяй. Шило на мыло, что ли? Во-первых, кому тут нужны такие недовольные? У нас, коли вы не в курсе, с работой-то не очень весело, в общем-то, если в плане выбора говорить. А потом, ну поменяете стойло – и что? Не час добираться будет к ярму, а час десять? Или пятьдесят минут вместо часа? Тут кардинально поменять ничего нельзя. Если только один хомут на другой, и то со скрипом.

– Нет, извините, но не соглашусь, – хозяин кабинета по-серьезнел и покачал головой.

– Да я бы тоже на вашем месте не согласился, – Павлик одобрительно кивнул, – с таким видом за окном и Танюшей в приемной – к вам-то все это каким боком? Я же только сказать хотел, что тут вся свобода – в степенях рабства. Кто-то по рукам и ногам связан, кто-то, как вы например, на поводке золотом. У кого подлиннее поводок, понарядней, у кого – покорооче и попроще, а суть – одна. Но это, – он прищурился и широко повел рукой, – только часть айсберга-то! Мелочи это все, если уж начистоту. Мы ведь с вами про самую большую свободу говорить начали, которая тут, на Земле, у нас есть. Вот и скажите мне теперь, что нас всех тут ждет? При чем вообще всех, без исключения: «аллигаторов» типа вас, Джорджа Буша-младшего, который со своей извечной тягой

к добру и демократии уже полмира в расход пустил, уборщицу какую-нибудь тетю Машу?

– Да всех разное, наверное, ждет, Павел, – Игорь Сергеевич задумался, – Меня – одно, Джорджа Буша – другое, тетю Машу – третье, конечно. Каждому свое, как говорят... И почему это я аллигатор? – он снова смотрел с улыбкой и интересом.

– Это от «олигарх», фольклорное. А в остальном вы, видимо, вопроса не поняли. Моя вина, конечно, – он нахмурился. – Я и так-то объяснять не мастак, а тут еще коньяк, – смущенная улыбка подтверждала его слова. – Впрочем, давайте так: от чего тут вообще никто уйти не может? Ни царь, ни бомж, ни старушка-процентщица?

Игорь Сергеевич наморщил лоб:

– Вы не про смерть ли тут часом говорите? Умрем мы все, если вы об этом, конечно. Люди смертны, как известно, – он усмехнулся и подмигнул собеседнику.

Тот показал большой палец и радостно улыбнулся:

– Вот-вот! Именно о ней я и говорил. Тут какими заводами и пароходами не рули, а в конце – известное пространство, ограниченное, да и обустроенное чужими руками, не слишком заботливыми причем.

Хозяин кабинета расхохотался. Отсмеявшись, он потянулся к стакану с остывшим чаем.

– Красиво вы расписали. Ну и что такого? Все смертны в конце концов...

– Знаете что, – Павлик смешно сморщил нос и скептически покрутил головой. – У вас в одной фразе – сразу несколько косяков глобальных. И пусть вы сейчас на все сто процентов и уверены, что так оно и есть, но можете мне на слово поверить: ошибаетесь вы. И сильно, смею вас заверить, ошибаетесь...

– Даже несколько, значит? Ну-ну... И что же это за косяки, как вы сейчас изящно выразились?

– Во-первых, никакой смерти в помине нет, – Павлик для убедительности даже покивал. – Во-вторых, нет тут никаких «всех», как вы сейчас это назвали, если, конечно, вам интересно мое мнение на сей счет. Но это, кстати, не только мое мнение, – он на миг улетел мыслью в дальние дали, правда, быстренько из них вернулся, встрепенувшись, и чуть наклонился к собеседнику. – Индусы, о которых у нас с вами уже шла речь, точно такой же точки зрения придерживались всегда, кстати. И сейчас так же считают. Да и не только индусы! У меня пальцев на руках не хватит, чтобы сосчитать, сколько самых разных товарищей эту точку зрения разделяют! Нету тут никаких «всех», и смерти тут нет, чтобы там кому ни казалось и ни мерещилось.

– Однако!.. – визави Павла внимательно посмотрел на него. Казалось, ему хочется что-то спросить, но он сомневается. Потом, видимо, все же решился:

– А вы, Павел, верующий, выходит? Вы уж простите, если вопрос некорректный задал.

– Нормальный вопрос. Я-то? Не, упаси, Орел наш Говинда, от такого, – Павлик усмехнулся и покачал головой. – Мне зачем верить, Игорь Сергеевич, когда я и так вижу?

– Видите?.. – Игорь Сергеевич с сомнением глянул на гостя и недоуменно пожал плечами. – Признаюсь, не совсем вас сейчас понял. Что значит «вижу»? И что именно вы видите?

– Вижу, – упрямо кивнул Павлик, сразу немного нахмурившись, словно внезапно вспомнил о чем-то малоприятном. – Хотя сразу скажу – не всегда. Иногда – вот точно тезка мой сказал! – как через мутное стекло вижу, гадательно, а иногда – лицом к лицу, то бишь ясно и отчетливо. Но так редко бывает, – он хмурился все сильнее. – А иногда вообще ничего не вижу, маюсь тогда, мучаюсь... Но потом – опять вижу...

Пока отрешенный Павлик произносил эту загадочную сентенцию, Игорь Сергеевич смотрел на него во все глаза с нарастающим изумлением, которое он сдерживать не собирался:

– Какой тезка ваш? Кому сказал? Через какое стекло мутное?

– Так Павел же, апостол который! Он в послании к этим, – Павлик, вспоминая слово, пощелкал пальцами – к коринфянам! Он так и сказал: сейчас Господа гадательно видим, как бы сквозь стекло мутное, а час настанет – узрим, как живого, лицом к лицу!

Крепкий мужчина в самом расцвете лет и ума озадаченно откинулся в кресле и лишь молча смотрел на нового знакомого. Спустя некоторое время он с сомнением и облегчением одновременно покачал головой и со здоровым и законным для его положения скепсисом спросил:

– Так вы что, значит, Господа, что ли, видите? – отчетливо читавшийся в интонации сарказм он даже не думал вуалировать на этот раз никакими улыбками.

– Можно и так сказать, – Павел внезапно помрачнел. – Можно сказать, что Господа. Хотя лично я по-другому бы предпочел выразиться... Как по мне, так это не я Господа вижу, а, скорее, наоборот. Но это нюансы все, детали, если хотите. Тут в терминологии разбираться нужно, чтобы правильно этот вопрос осветить. Но дело ведь не в терминах, не в словах мертвых, а в сути! Если вижу я, что смерти тут нет, значит, вижу. А если не вижу, а слова мертвые за добрыми и посторонними людьми повторяю, так грош цена словам этим. Если не вижу я, значит, не вижу, и рассуждать тогда в принципе не о чем!

Игорь Сергеевич покачал головой и потянулся к бутылке, жидкости в которой оставалось на самом дне. С сомнением посмотрев на остатки «Людовика», он разлил их по бокалам и немедленно отпил из своего.

– Ну так, значит, вы все-таки верующий получаете? Раз о таких вещах говорите: бог, бессмертие, апостолы, коринфяне опять же... – мягкая улыбка вновь вернулась на его ли-

цо.

– Да нет же! – Павлик протестующе мотнул головой. – Я знающий. Видящий, если хотите. Тому, кто видит и знает, верить-то ни к чему... Кто не знает – пусть верят, а мне не нужно этого!

Игорь Сергеевич свои удивление с усмешкой опять скрывать перестал:

– Да, удивили вы меня, однако! Сначала – Ницше с рептилоидами, потом – Павел апостол с коринфянами, бог, бессмертие... Слушайте, – он слегка задумался, – а в чем все-таки эта ваша свобода заключается, про которую вы постоянно твердите? Самая главная которая тут у нас, по-вашему мнению. Свобода от смерти, как я понимаю?

– Не, – немного заносчиво усмехнулся Павлик. – Для вас сейчас это странно, конечно, прозвучит, но свобода от смерти – это вообще ерунда полная, если, конечно, вас мое мнение интересует. Свобода от смерти – это только начало. Это как первая ступенька, что ли... Как первый класс в школе... А вот дальше – уже настоящая свобода начинается, и уровень у этой свободы – не счесть.

– Свобода от смерти – ерунда? Сильно!.. – пожав плечами, Игорь Сергеевич откровенно язвительно улыбнулся. – Странные вещи говорите, молодой человек! Мне даже представить сложно, что еще могло бы дороже быть, чем свобода от смерти. Если, конечно, все это правдой бы было...

– Так я вам минуту назад ровно то же самое и сказал, что

странно сейчас для вас прозвучит все это. И удивительного тут нет ничего, – Павлик зато улыбался широко и безо всяких колкостей бойко продолжал:

– Но я вас ни в чем убеждать не собираюсь! Нет у меня такой цели. Хотите – на слово поверьте, хотите – при своем мнении останьтесь. Однако тут все именно так и есть, как я вам сейчас говорю. Нету никакой смерти, и поэтому-то я вам сейчас и заявляю, что свобода от смерти – это полная ерунда! Тут ведь вопрос в одном только – в позиции вашей изначальной. Для вас смерть существует – вот вам свобода от нее самым главным достижением-то и видится! А я вижу, что смерти нет, поэтому и говорю: свобода от смерти – это ерунда полная. Тут самое главное – увидеть. Осознать, если хотите, как тут все в действительности устроено. И тогда вам самому все абсолютно понятно станет.

– Слова! – Игорь Сергеевич не спешил расставаться со своим здоровым скепсисом. – Мне кажется, что вы себе концепцию удобную сотворили и теперь на этом фундаменте что-то выстроить пытаетесь. Бог, бессмертие... – он усмехнулся. – Все это оптимистично, конечно, звучит, но на деле – слова просто... Концепции успокаивающие, не более того.

– Я вижу! – Павлик выделил это свое «вижу» голосом, блеском глаз и – для верности еще, наверное, – убежденным кивком. – Я вижу! Вижу, а не концепции красивые и бесполезные строю. С концепциями красивыми и бесполезными пусть такие, как отец Фармазон, живут...

– Отец Фармазон? А это еще кто такой?

– Да это прозвище такое партийное. Чин церковный такой, я уж не знаю, как у них там это официально называется, – Павлик одним глотком допил свою порцию «Людовика». – Они же всех своих сотрудников так называют: святой отец, мол! А какой он святой отец, скажите на милость? Вот у нас к нему эта кликуха, уж извините, и приклеилась – отец Фармазон.

Игорь Сергеевич размял шею, сложил руки «домиком» и изрек задумчиво:

– Час от часу не легче... И что он, отец Фармазон ваш?

– А с чего это он мой? – тут же немного взбудоражился Павлик. – Он не мой вовсе, а свой собственный, вообще-то. Или церковный, если уж рассуждать начать...

Его собеседник с примирительной улыбкой пошел на пятую:

– Да бог бы с ним! И что он, отец Фармазон-то этот?

– Да мы с ним один раз схлестнулись, как раз про бессмертие спич и зашел. Про душу, бога и прочие абстракции. Я его в лоб тогда и спросил: а что это такое – душа? Объясни, говорю, святой отец, мне неразумному! Вот он и начал мне сиськи мять... Ну не мне, конечно, – Павлик чуть смутился и виновато поглядел на Игоря Сергеевича. – Вы меня за жаргон уж извините, – милая же улыбка получалась у него в такие моменты, искренняя, – привык так, не выбирая слов особо.

К Игорю Сергеевичу вернулось его обычное благодушное состояние, он со смехом замахал на юношу руками:

– Да бросьте вы, Павел, расшаркиваться. Продолжайте лучше про отца Фармазона этого.

– А что тут продолжать-то? Тут и продолжать нечего: мял он сиськи, мял, но по существу-то ему сказать абсолютно и нечего! Все про вечное мне рассказывал, про нечто этакое, невещественное!.. А я ему – давайте, знаете ли, святой отец, без «воды» этой вашей! Вы мне конкретно скажите: что это такое – душа, про которую вы в храме своем прихожанам вещаете? Так он полчаса мне про невещественное и непознаваемое и расписывал, но, кроме как про то, что вечная она, душа то есть, так ничего толком сказать и не смог. А потом еще и про их батюшку брякнул – помер недавно батюшка у них. Я его опять в лоб спрашиваю: каким макарон батюшка умер, если он, батюшка, в смысле, – душа вечная?

– И? – Игорю Сергеевичу разговор опять стал явно интересен.

– А что – «и»? – Павлик широко взмахнул рукой. – Тут он вообще в лужу сел, после вопроса этого моего. Не, говорит, так-то если рассуждать, то оно, конечно, живой, дескать, батюшка-то. А я ему опять: так жив он или помер?!

– А он что? – хозяин кабинета улыбался и вовсю получал от беседы нескрываемое удовольствие.

– Да ничего, – Павлик опять махнул рукой, – снова начал ужом на сковороде елозить. Я уже ему – совсем прямо, как

к стене припер, чтобы уж ни в сторону, ни назад. Вон, говорю, похороны у вас – через день на кладбище. Отпеваете, хороните, народ причитает, плачет. И все стоны сплошные: представился-де раб божий. «А кто представился-то, – спрашиваю, – в результате, если живет-то у вас в христианстве душа?» Так он мне, – Павлик аж прыснул, – и заряди в ответ: «Один, – говорит, – помер, человек который. А душа, конечно, вечная»...

– А вы? – Игорь Сергеевич просиял улыбкой и глотнул из бокала.

– Да ему тогда совсем «карачун» пришел, – Павлик снова повеселел. – Я ж его к стене окончательно-то и припер. Кто, спрашиваю, живет-то у вас, отец святой, в итоге – человек или душа эта ваша, вечное не пойми что? А он мне в ответ: оба, говорит, живут. И человек живет, и душа. Один, говорит, помирает, а вторая – вечная! Но тут-то я, конечно, – он немножко смущенно потупился, – постебался над ним всласть. Да и как не стебаться, если у него каша такая в голове! Двое у него живут! – Павлик хмыкнул, – Каким образом живут, спрашивается? Если человек живет, что тогда душа делает? А если душа живет, то человек тогда чем занят? Короче, Игорь Сергеевич, у отца Фармазона фарш в голове сплошной, если разбираться начать. Нету у него ни знаний, ни веры настоящей! Одни концепции сложносочиненные и мертвые, от которых ни ему самому не легче, ни пастве его. Я вам его потому в пример и привел, когда о кон-

цепциях бесполезных говорил, пусть и нарядных, на первый взгляд, и жизнеутверждающих.

– Ну ладно, отец Фармазон ваш – понятно, – хозяин кабинета улыбаться не переставал, но и отступаться тоже не собирался, – Хорошо-хорошо, не ваш он, отец этот. А вы тогда как себя определяете? Если душа вас не устраивает?

– Тайна, – Павлик кинул взгляд за спину Игоря Сергеевича на картину неизвестного художника, – Тайна и есть, одним словом. Ни определить, ни ярлык навесить... По-другому и не скажешь...

– Разницы, честно говоря, не вижу. Отец Фармазон про душу ничего сказать не смог, так и вы про тайну вашу ничего толком объяснить не можете? Разница-то в чем, не улавливаю?

– А тут не в названии дело и не в определении. Тут вопрос вообще в другом: чувствуете вы себя или нет. Душа там или тайна – это вопрос терминов, согласен. Важно, чувствуете вы эту душу или, если хотите – тайну, или нет. Если чувствуете – вам пофиг, как называется это, а если нет – хоть синхрофазотроном назовите да описание дайте на пятьсот страниц, что толку-то от того?

Игорь Сергеевич смотрел теперь с сомнением.

– А как вы себя чувствуете-то? Тайну эту вашу то есть?

– Никак, – Павлик убежденно помотал головой. – Я ее, тайну то есть, вообще никак не чувствую и не могу, – он улыбнулся. – А вот она – тайна то есть – вполне себе чув-

ствует себя. Временами, конечно, – он нахмурился и снова бросил взгляд на картину, – Временами, Игорь Сергеевич, тайна себя помнит и чувствует. А потом – хлоп! – и опять амнезия. И все – конец тайне, а она опять себя Павликом ощущает. И тут бейся – не бейся, а кроме слова «тайна» уже ничего и не остается. Одни воспоминания смутные, – он искоса посмотрел на собеседника и развел руками.

– Мда... В загадочном мире вы живете! Кришна, Иегова, рептилоиды, еще тайна эта ваша...

Павлик заерзал в кресле и немного подался вперед:

– А вы, как я понимаю, не верите?

Хозяин кабинета добродушно рассмеялся:

– Я – нет. Извините, конечно, если не оправдал надежд ваших, но я – нет. Я себя к прогрессивному человечеству, как принято говорить, отношу: наука, торжество разума и все такое прочее. Разочаровал?

– Да нет, – Павлик мотнул головой, – Я так и думал, в общем. Только у вас, извините, прогресс какой-то странный очень выходит. Как вы выразились...

– Почему – странный? – Игорь Сергеевич недоуменно пожал плечами.

– Как почему? По определению, разумеется. Наука эта, которая вместе с прогрессом и разумом торжествует, – это же недоразумение сплошное, если пристально с этим вопросом разбираться! Если хотите мое мнение знать, так это от глупости собственной наука ваша торжествует. От невеже-

ства своего! Знаете, как это иначе называется? Торжество воинствующего невежества! Вот это как раз про науку вашу! Впрочем, – он лукаво прищурился и даже подмигнул, – вы мне лучше сами, без науки скажите, – он мотнул головой в сторону окна. – А вот это все, по вашему, как тогда нарисовалось? Ну организовалось, в смысле, как это вот великолепно?

– Что именно организовалось? – хозяин кабинета тоже посмотрел за окно.

– Ну как – что? – Павлик снова повернулся к величественной панораме, – Земля там как планета, солнце, галактики, Вселенная, если одним словом назвать. Мироздание, если уж так говорить, оно все как возникло-то?

– На все эти вопросы наука уже давно ответила, уж не знаю, открытие это для вас или нет, – Игорь Сергеевич с улыбкой пожал плечами и подмигнул своему визави. – Постепенно все организовалось. Вначале большой взрыв был, потом процессы разные начались, вот в результате этих процессов все постепенно и организовалось. И с Землей нашей точно такая же история. Вначале – просто камень огромный, потом постепенно – атмосфера, вода, ну а позже – и жизнь. Тут никаких секретов нет, если специально простые вещи не усложнять.

Павлик слушал эту лекцию с интересом и даже изредка согласно кивал. Затем прищурился не без коварства во взгляде и парировал:

– Угу. Понятно и знакомо. Интересная история. Красивая, стройная местами. Я вот только одного тут не пойму: а что взорвалось-то в начале этом вашем?

– В каком смысле? – Игорь Сергеевич искренне удивился.

– В прямом, – Павлик зато стал само ехидство. – В начале-то, как вы говорите, не было ничего. А потом – сразу большой взрыв! Вот я и спрашиваю: а что взорвалось-то у вас, если не было ничего до взрыва этого?

Его собеседник, озадаченный вопросом, устроил поудобнее локоть на уютном подлокотнике, подпер рукой голову, провел большим пальцем руки по губам, после чего довольно расслабленно хмыкнул.

– Ну, знаете... Я же не специалист все-таки в этом вопросе. У меня, как вы выразиться изволили, – заводы, газеты, пароходы... За новостями науки я, признаюсь, особо не слежу. Так только, для общего развития... Но у ученых, полагаю, ответы на эти вопросы наверняка имеются.

– Это вы так думаете. Ну да ладно, бог с ним, с началом этим. А дальше как все организовалось? Законы физические, жизнь, сознание опять же – это как возникло?

– Эволюция, – Игорю Сергеевичу было очень удобно, и покидать светлую и проторенную дорогу он отказывался, – сложный процесс... Постепенно все и эволюционировало.

– Само? – требовательно допытывался Павлик.

– Ну конечно, если вы об этом, – теперь бизнесмен улыбался уже тонкой улыбкой знатока. – Все само собой, посте-

пенно. Если вы на Творца сейчас намекаете, то тут без него обошлось.

– Ага, понятно. Позитивная точка зрения, как вы говорите! А вы в игрушки компьютерные гоняете?

– Нет, Павел, не сподобился увлечься, – Игорь Сергеевич развеселился, – По молодости было пару раз: в Doom сетевой как-то играли – была такая «стрелялка», помните? Еще в Warcraft... Но меня «не зацепило»: вырос я, видимо, из коротких штанишек.

– Да неважен опыт ваш, – юноша ободряюще улыбнулся. – Главное, что представление имеете, о чем речь. Вот вы мне скажите, – Павлик снова заерзал в кресле, – Doom, по-вашему, сам себя написать сможет?

– В каком смысле?

– В прямом, конечно, – Павлик подался вперед, – Для игрушки компьютерной – тот же Doom, к примеру, взять – для нее же программист требуется, да не один, а команда. Маркетинг опять же, чтобы понять: а что вообще писать нужно, какую игру пипл схавает. Короче, я не специалист, разумеется, но народу там тьма должна быть, огромнейшая команда. И всяко еще, – он покрутил указательным пальцем в воздухе, – криэйтер какой-нибудь в начале: кому идея в голову придет, кто правила придумает. Вот, как вся команда попашет годик–другой, так, может быть, Doom этот и организуется: напишут его будет, в Сеть выложат. А вот сам он – без команды, криэйтера – написаться сможет? Так, чтобы вече-

ром еще ничего не было, а наутро уже – в сети «стрелялка» глобальная висела, с демонами разными, правилами филигранными. Такое возможно разве?

– Маловероятно, – спокойно согласился Игорь Сергеевич. Павлик даже подпрыгнул от радости:

– Охренеть и не встать, уж простите! Значит, Doom не может сам собой организоваться и возникнуть, а вот это вот все, – он широким жестом обвел панораму за окном, – мироздание то есть, оно, значит, смогло! Само, без Творца, без плана, получается, и без замысла, так?

Сидя на самом краю кресла, он взирал на оппонента с требовательным нетерпением. Тот молчал, то ли подыскивая аргументы, то ли переваривая доводы гостя.

– Так ведь это другое совсем, – откашлявшись, наконец произнес Игорь Сергеевич и потянулся было за бокалом, но, к сожалению своему, обнаружил, что все уже опустело: и оба бокала, и вообще бутыль. – Да и аналогия у вас какая-то странная...

– Естественно, другое, – Павлик одобрительно показал большой палец. – Doom – тьфу! Барахло одноуровневое по сравнению с этим всем, – он снова ткнул пальцем себе за спину, в сторону окна. – А аналогия, кстати, нормальная, и странного в ней ничего нет. В игрушке компьютерной – свои законы, программой определенные, а тут, – он кивнул на окно, – свои. Только здесь не на порядок сложнее законы – на сотни порядков! Хотя разницы вообще никакой нет: в компе

– одна игрушка, примитивная, вокруг нас – другая, – Павлик на миг задумался. – Мега-игрушка с целое мироздание размером...

– Забавная аналогия. А мы кто тогда, по-вашему, получаемся? Персонажи?

– В некоторой степени да. Хотя, опять же, сложный это вопрос. Но у нас-то разговор про другое был! Вы мне скажите лучше, как такая хрень сама собой организовать могла?

Игорь Сергеевич пожал плечами:

– Эволюция – штука сложная. Так ведь и прошло-то сколько – миллиарды лет! За это время всякое случиться успеет.

Павлик ехидно покивал:

– Знаете, что... Мы вот с вами про сложные конструкции говорим, а ведь есть гораздо проще примеры. Песочника во дворе, как вариант. Я вот ни разу не слышал, чтобы хоть одна песочница за всю историю сама собой образовалась... Вечером не было еще, а утром – здравствуйте вам: бортики, грибочек сверху от дождя и от солнца... Песочек появился внезапно. Тут, по вашей логике, – он улыбнулся, – случайно всякая разная хрень должна образовываться. Раз уж Земля случайно организовалась со всеми своими законами, физическими, к примеру... Жизнь опять же, сознание... Если такая масштабная конструкция сама собой появилась, то песочницы всякие как грибы после дождя расти должны...

– Время нужно, много времени. Да и потом, разве мы

все знаем? Может быть, где-то что-то и образуется... – Игорь Сергеевич задумчиво поглаживал пальцами подбородок. Павлика же его неуверенность приободрила:

– Угу, – он хмыкнул, – Может, и образуется. Где-то там... Знаете, вы вот сказали, что у меня логика странная. Так я вам отвечу, что у меня она, вполне вероятно, и странная для вас, но хоть какая-то да есть. А у вас с ней – вообще беда, – добродушный смех собеседника только добавил молодому человеку горячности. – Я не помню точно, но, по-моему, на эту тему уже был спор один глобальный. То ли физики с лириками, как обычно, сошлись, то ли еще какие мастодонты научные. Так вот там похожая канва была: дескать, может ли обезьяна «Войну и мир» напечатать, если ей времени дать в достатке. Бессмертная обезьяна, – Павлик улыбнулся, – и машинка пишущая. Вот и спорили: если она случайно по клавишам лупит – выйдет «Война и мир» или нет...

– И чем спор закончился?

– Не помню. Да тут и не важно, чем. По-моему, на компьютере современном вероятность высчитали, какова она для такого чуда. Хотя, может быть, и путаю что-то.

– И какова же вероятность в итоге? – Игорь Сергеевич, склонив голову вбок, с интересом смотрел на гостя.

– Да по фигу, какая. Вы сами подумайте: кто этих баобабов ученых слушать-то будет? Из нормальных людей, имеется в виду. Вы сами верите, что такая хрень возможна? Только по-настоящему скажите, без дураков!

– Пожалуй, нет, – хозяин кабинета тер переносицу и поглядывал в окно.

– Во-во! – Павлик одобрительно выставил вперед большой палец, – А если аналогии проводить, так у вас, Игорь Сергеевич, получается, что вначале «Война и мир» сама себя написала, а потом еще и кайф словила... Потом пошла вразнос «Бесами» с «Братьями Карамазовыми». И все, заметьте, – само! – он погрозил потолку и, словно желая утихомирить собственную бурную жестикуляцию, спрятал обе руки за спиной и, выкатив грудь колесом, расплылся в победной улыбке. – Нет уж, тут, знаете ли, если у кого логика странная и есть, то явно не у меня.

Игорь Сергеевич на миг задумался, быстрым взглядом окинув панораму поверженного города за окном, а потом решительно потрянул головой и попробовал объяснить свое несогласие:

– И все равно, аналогия ваша не совсем корректная, как мне видится! Игра – это игра, а тут – жизнь, – он указал взглядом за окно. – Тут все мы что-то делаем, творим, так сказать, судьбы мира... Какие здесь программы-то?

– Как это – какие? Здесь вообще все – одна сплошная программа! Вот хоть тело взять человека там или животного какого. Ногти сами растут, волосы – та же история... Обмен веществ, процессы всяческие в организме... Вы, что ли, их сами направляете как-то? Вы совершенно к этому никакого отношения, скажем прямо, не имеете. Все – само. В рамках

программы, конечно... Да вот вам пример, – Павлик заулыбался вдохновенно, – тело возьмите, в коме которое. Там же вообще никого нет уже: сознание – хрен знает где, а тело – считайте, манекен простой. И что? Все идет себе, крутится, – секунду он подбирал слова, – если, конечно, добрые люди капельницу ставят, чтобы тушка не загнулась. Питаться-то всем нужно, а хозяина у тушки нет: в дебрях бессознательного хозяин заплутал...

Игорь Сергеевич недоуменно pokrutil головой:

– Какой хозяин? В каких дебрях?

– Ну так, пока в тушке сознание есть, у нее и нормальный хозяин имеется, у тушки, – Павлик развел руками. – Это, по-моему, и ежу ясно. Вот вас в качестве примера взять: у вас сейчас сознание на месте – и вот он вы, хозяин тушки. Нужно – еще кофе нальете или чаю. Нужно – на телефон ответите... Да любой каприз, короче! А у тела в коме хозяина нет. Где он – ХЗ, это вам любой эскулап разумный скажет, – он сдвинул брови. – Хотя, признаться, я эскулапов разумных-то и не видел почти. Но есть такие, наверное. А дебри бессознательного – это старика Юнга термин. Только я, Игорь Сергеевич, тут с Юнгом вообще не согласен. Он, по-моему, все в одну кучу свалил, а бессознательное это его – сверхсознательное в действительности. То ли Юнг до этого не допер, то ли я Юнга недопонял. Впрочем... – Павлик махнул рукой, словно показывая, что старик Юнг со всем бессознательным интересуют его в самую последнюю очередь.

– Так вы, значит, говорите...

– Что у всякой сложной конструкции творец есть, – закончил Павлик, утвердительно кивая, – да и у простой, если начать разбираться, тоже. Без творца вообще ничего быть не может: ни хорошего, ни плохого. Если что-то есть, значит есть и творец этого.

– Это Кришна который? – Игорь Сергеевич устало усмехнулся и подмигнул.

– А вот тут вопрос сложный. Некоторые считают, что тут Иегова всем рулит. В нашем, имеется в виду, в конкретном сегменте мироздания он хозяин...

– С которым иудеи мосты наводят?

– Точно!

– А зачем они с ним мосты наводят? – Игорь Сергеевич вновь смотрел на гостя с интересом. – И как?

– Зачем – понятно. Чтобы ближе быть, так сказать, к хозяину богадельни. А как? – Павлик поднял глаза к потолку, словно взыскав ответа у невидимого Иеговы, потом устался на собеседника. – По-разному наводят, в зависимости от целей и задач. Но я могу вам и конкретный пример привести, если уж вам так интересно. Во Второзаконии, стих пятнадцать и шесть, со всей космической прямоотой и сказано: «И будешь многим народам займы давать, а сам ни у кого займы брать не будешь. И через то всех в бараний рог свернешь, а тебя, значит, никто не свернет!»

– Прямо так и написано? В бараний рог? Действительно,

со всей космической прямоотой! По-другому и не скажешь! – собеседник Павлика добродушно рассмеялся. – Ну и память у вас! Вы что же, Библию наизусть цитируете?!

– Да ну, бросьте! Еще чего не хватало. Здесь совпадение просто получилось: как раз на днях этот пассаж перечитывал и размышлял. Смех смехом, Игорь Сергеевич, а горький факт налицо. Это же из Ветхого Завета цитата! А эта часть Библии ко временам Моисея относится. И вот тут у меня сразу нехорошие вопросы возникают начинают, – Павлик выразительно закатил глаза и мрачно покивал. – Это же религиозный текст, как казалось бы, а не инструкция по созданию мирового финансового закулисья! А на деле – все именно так и есть! И инструкцию эту, заметьте, не индусам выдали и не китайцам каким-нибудь, а вполне конкретным представителям людского социума, которые себя потом богоизбранным народом окрестили! И хоть смейся, хоть плачь, но факт налицо: иудеи же всю историю ростовщицеством занимаются! Что в Средние века им промышляли, что сейчас весь мир в бараний рог посредством механизма коварного закрутили! И опять же, – он неопределенно покрутил головой. – Я ведь вам сейчас не теорию заговора излагаю, а предлагаю самому простые и известные факты вспомнить и переосмыслить. Конкретным людям аж три тысячи лет назад подробные финансовые инструкции выдали, как всех остальных без крови и войны в кабалу и рабство загнать! И ведь взяли, сукины дети, и загнали! – Павлик неожиданно разгорячился не

на шутку. – Мусульманам, кстати, прямо противоположные инструкции выдали, если вы не в курсе. Не знаю, как вас, а меня этот момент весьма сильно удивляет. В Коране прямой запрет на ростовщичество установлен с указанием кары тяжкой за такие, извините, «богоугодные» деяния. – он изобразил руками невыразимые словами кавычки. – Дескать, в аду до скончания дней гореть будете, кто лихву собирает, то есть процент ростовщический. Одним – грех страшный, выходит, а вторым – делайте, добрые люди, на здоровье гешефт свой, еще всех и поработите заодно! И поработили же!.. Весь мир теперь через эти ссудные проценты друг у друга в кабале... А если поглубже копнуть, то бенефициар-то конечный один – представители малочисленного, но богоизбранного народа! Да ладно – ссудный процент, – он махнул рукой и пренебрежительно вытянул губы трубочкой. – В том же Второзаконии ведь и инструкции есть, как с рабами обращаться! Когда отпускать их, как это делать, сколько платить им. А у предков наших, заметьте, вообще за всю историю понятия такого не было – «рабы»! Не было у славян, как их сейчас называют, рабовладения-то! В голове у предка нашего уложиться не могло: как это – один сын божий у другого в рабах состоит! Да как папа-бог мерзость такую вообще допустить способен?! А у этих, у богоизбранных, – нате, пожалуйста! Мало того, что можно, так есть инструкции еще, как с рабом этим обращаться, чтобы гешефт побольше нажить. Впрочем, они ведь и себя рабами божьими кличут, – его губы скриви-

лись уже совсем безглаголиво, – так что с них и взятки гладки. А в итоге у нас что получается?

– А что у вас в итоге получается? – визави Павлика с улыбкой развел руками и весь превратился в вопрос.

– А получается, – тот торжествующе тряхнул головой, – что история темная тут! То ли разные боги тут всем инструкции давали, то ли понял эту инструкцию каждый по-своему. Но факт фактом остается: неплохо устроились представители народа этого интересного, и не сами, заметьте, а согласно кем-то и когда-то данной инструкции! И священные книги их, если пристально этот вопрос изучать, – бизнес-пособие чистой воды, с изложением пошаговых алгоритмов.

– Поня-ааа-атно, – протянул хозяин кабинета и подмигнул. – Теперь, значит, во всех бедах евреи у вас виноваты? Прямо, как в анекдоте старом...

Договорить он, однако, не успел: Павлик скривил такую страдальческую мину, будто у него резко и разом заболели все зубы. Стон тоже получился очень обреченным:

– Го-осподи!.. Так и знал ведь!.. – он устало потер лоб и откинулся в кресле. – Да при чем тут евреи-то эти?! Вы сейчас из меня расиста какого-то сделать норовите, а я ведь – вообще о другом! Я о том говорю, что сложно все тут, наворочено и накручено! Если разбираться начать да вопросы себе и окружающим правильные и осмысленные задавать, то очень много всякого интересного вскроется, что до этого, заметьте, как в тумане скрывалось. А в отношении этих са-

мых, которые богоизбранные, – Павлик отрицательно покачал головой, – так мне вообще пофиг, какой национальности человек! Это люди привыкли по национальностям себя разделять, а как по мне, так хоть китайцем родись, хоть негром, лишь бы человеком был нормальным да мерзости никакой за чужой счет не творил! Национальности – десятое дело. Да и потом, – он скептически хмыкнул, – это же к тушке все относится, национальности-то. Ну к телу, в смысле... Тело, психика – это у них национальность есть, а у вечного и бесконечного какая национальность может быть? Что, папа-бог таким странным образом людей создавал, что одни у него любимые да избранные, а другие терпилами вечными назначены? Бред это все, и меня в него втягивать не нужно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.